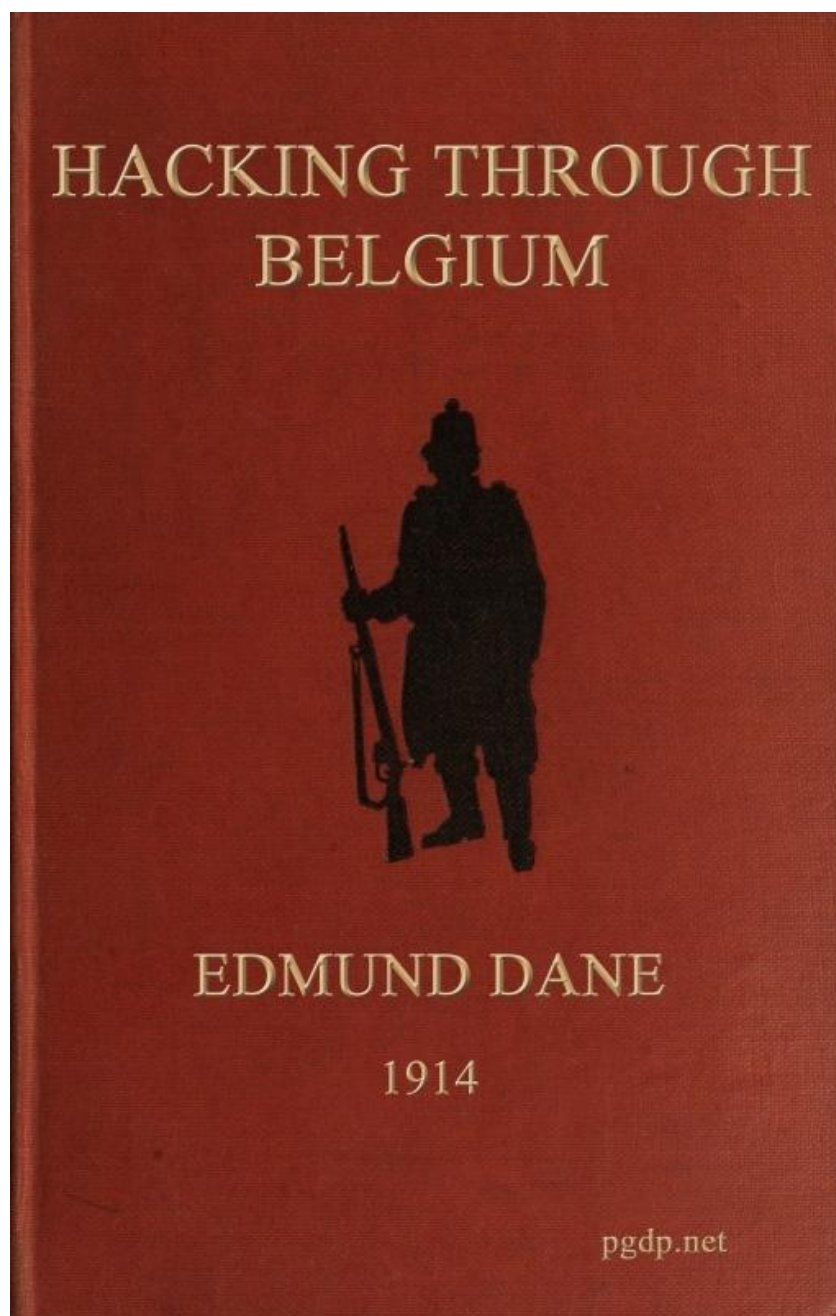

Прорыв через Бельгию

Эдмунд Дейн

Электронная книга проекта "Гутенберг" о взломе в Бельгии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Взлом через Бельгию

Автор: Эдмунд Дейн

Дата выхода: 28 февраля 2018 [Электронная книга № 56661]

Язык: Английский

Титры: Продюсер Брайан Коу и команда корректоров, распространяющая тексты онлайн на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ВЗЛОМ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА" В БЕЛЬГИИ ***

Примечание переписчика

Текст на обложке добавлен автором и размещен в общественном достоянии.

Оглавление добавлено автором перевода. Текст оригинальной книги начинается после Содержания.

Содержание

ГЛАВА I

“Клочок бумаги” 7

ГЛАВА II

Льеж 23

ГЛАВА III

Моральный и военный эффект 38

ГЛАВА IV

Бельгийская армия и ее работа 51

ГЛАВА V

Немецкая приливная волна 69

ГЛАВА VI

Немцы в Брюсселе 87

ГЛАВА VII

Последний взлом 105

ГЛАВА VIII

Преступление в Лувене 120

ГЛАВА IX

Политика грабежа 142

ГЛАВА X

Агония Антверпена 154

Хронология основных событий 172

The Daily Telegraph

ВОЕННЫЕ КНИГИ

ПРОРЫВ ЧЕРЕЗ БЕЛЬГИЮ

The Daily Telegraph

ВОЕННЫЕ КНИГИ

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

У. Л. Кортни, доктора права, и Дж. М. Кеннеди

"ВОЮЮЩИЕ ФЛОТЫ"

Арчибальда Херда.

"СЕДАНСКАЯ КАМПАНИЯ"

Джорджа Хупера.

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ ВОКРУГ ЛЬЕЖА

Дж. М. Кеннеди.

На ЛИНИИ ОГНЯ: Рассказы о реальных боевых действиях мужчин, которые сражались. А. Сент-Джон Эдкок.

“ВЕЛИКИЕ БИТВЫ МИРА”

Стивена Крейна, автора книги "Красный значок за отвагу".

"КРАСНЫЙ КРЕСТ НА ВОЙНЕ"

Мисс М. Ф. Биллингтон.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ: История

франко-германской войны. Х. К. Бейли, с вступительным словом У. Л. Кортни, доктора права

КЛОЧОК БУМАГИ: Внутренняя история немецкой дипломатии. Автор: доктор Э. Дж. Диллон.

КАК НАЦИИ ВЕЛИ ВОЙНУ

Дж. М. Кеннеди.

БРИТАНСКИЕ ПОЛКИ НА ФРОНТЕ

Славная история их боевых почестей.

ВЗЛОМ ЧЕРЕЗ БЕЛЬГИЮ

Эдмундом Дейном.

САМОЛЕТЫ НА ВОЙНЕ

Эрика С. Брюса.

ЗНАМЕНИТЫЕ СРАЖЕНИЯ ТУЗЕМНЫХ ПОЛКОВ

ИНДЕЙЦЕВ Реджинальда Ходдера.

"ОТСТУПЛЕНИЕ В ПАРИЖ"

Роджера Ингпена.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ НА ВОЙНЕ

Горация Уайатта.

НАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ

Марра Мюррея.

ХОДДЕР И СТАУТОН

ПРОРЫВ ЧЕРЕЗ БЕЛЬГИЮ

ЭДМУНД ДЕЙН

ХОДДЕР И СТАУТОН

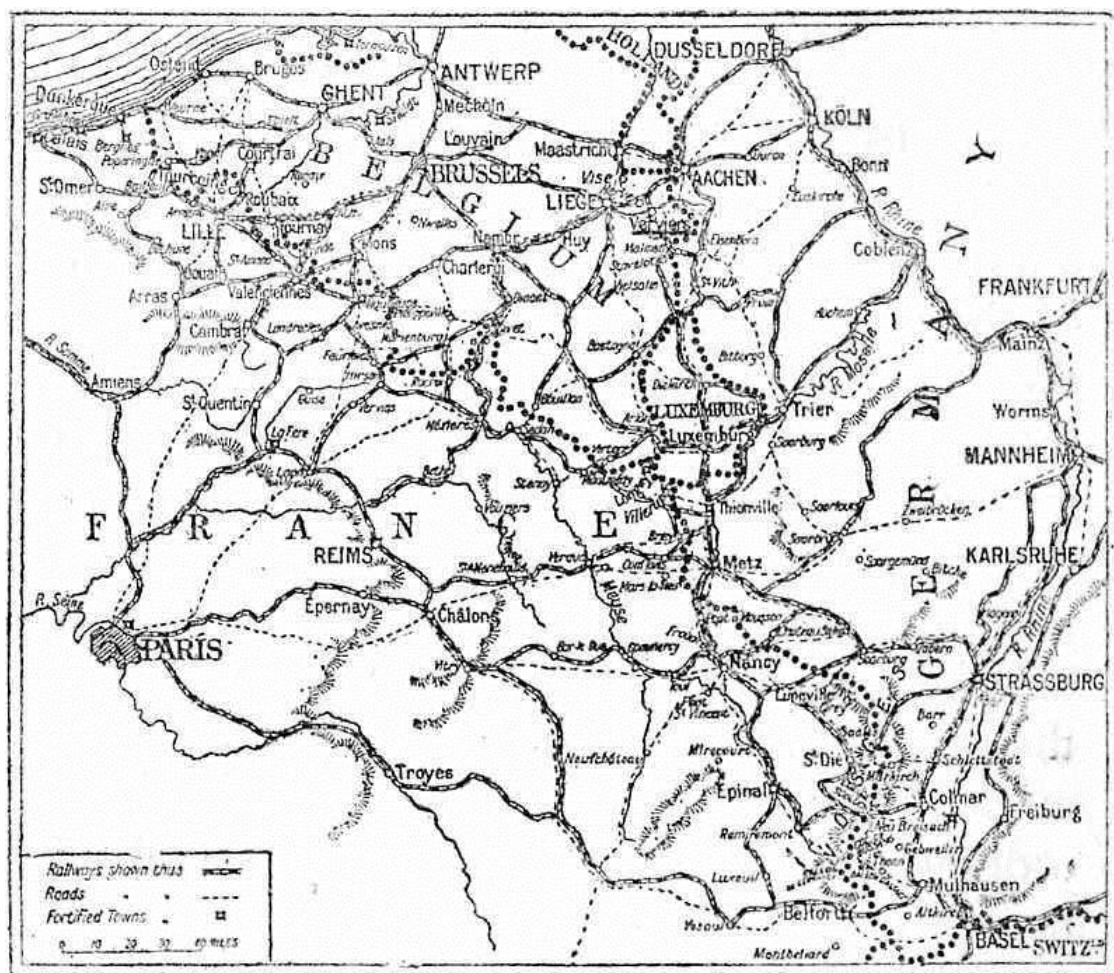
ЛОНДОН НЬЮ - ЙОРК ТОРОНТО

МСМХIV

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги - показать огромную роль, сыгранную маленьким народом в кризисный период европейской истории; выдающуюся храбрость их решения; жизненно важное значение с военной точки зрения их доблестной защиты своего Отечества; и моральный эффект в борьбе той любви к свободе, которая перед лицом опустошения, не имеющего аналогов в Западной Европе с семнадцатого века, оставила их дух непокоренным. Каким бы неполным ни был отчет на данном этапе, он может помочь британскому народу более полно оценить жертвы, принесенные бельгийцами ради тех идеалов упорядоченной независимости и свободы, на которых было воспитано величие нашей собственной Империи; идеалов, реальность которых была проверена и не нашла недостатка в огненных испытаниях войны.

АВТОРСКОЕ ПРАВО, СПЕЦИАЛЬНО ПОДГОТОВЛЕНО ДЛЯ Daily Telegraph КОМПАНИЕЙ GEOGRAPHIA, LTD.

Прорыв Через Бельгию

ГЛАВА I “КЛОЧОК БУМАГИ”

В семь часов вечера в воскресенье, 2 августа, германский министр в Брюсселе вручил бельгийскому государственному секретарю иностранных дел ноту своего правительства, требующую в качестве акта “дружественного нейтралитета” свободного проезда через Бельгию для немецких армий, составляющих основную часть экспедиционных сил против Франции.

В ноте обещалось уважать независимость и целостность Бельгии при заключении мира. В ней содержалась просьба о временной сдаче крепости Намюр по военным соображениям. В случае

отказа, добавлялось в Ноте, Германия будет вынуждена относиться к Бельгии как к врагу. Правительству Бельгии было дано двенадцать часов для ответа.

Был созван кабинет министров Бельгии. В те роковые часы все будущее их страны висело на волоске. Выполнение этого требования означало, что Бельгия должна попасть в зависимость от Германской империи. Если бы в великой войне, уже начатой объявлением Германией 31 июля военных действий против России, Германия одержала верх, поскольку пассивная помощь Бельгии наиболее существенно помогла бы ей одержать победу, Бельгия, фактически союзница Германии, была бы вынуждена обратиться к Германии за защитой и принять условия, какими бы они ни были, на которых эта защита была бы предоставлена. В любом случае, такая защита послужила бы оправданием для продолжающейся, возможно, бессрочной оккупации немецкими войсками. Это подразумевало, помимо прочего, аннексию Бельгии. Помимо форм, это подразумевало введение прусских методов и прусского правления. Бельгийский гений прочел в кратком и безапелляционном требовании из Берлина предначертание, которое сведет на нет 600-летнюю борьбу за свободу.

Нелегко измерить тревогу той воскресной ночи, в течение которой король Альберт и его министры взвешивали свое решение. Немногие встречи государственных деятелей были более запоминающимися или более важными. В целях Германии не могло быть никаких сомнений. 18 апреля 1832 года Пруссия вместе с Австрией поставили свои подписи под той Гарантией нейтралитета и независимости Бельгии, которую Франция и Великобритания уже подписали и которую Россия подписала через шестнадцать дней после молчаливого согласия германских держав. Лондонским мирным договором 1839 года, после урегулирования люксембургского вопроса между Бельгией и Голландией, Гарантия была торжественно ратифицирована. Тем временем Германия пришла к вере в то, что граф фон Мольтке-старший называл “старейшим из всех прав, правом сильнейшего”. Почти одновременно с вручением Ноты в Брюсселе канцлер Германии в Берлине в разговоре с британским послом охарактеризовал Гарантию как “клочок бумаги”. Договоры и обязательства, безусловно, являются клочками бумаги, точно так же, как обещания - не более чем вздохи. Но на таких клочках бумаги и вздохах была построена ткань цивилизации, и без них ее повседневной деятельности пришел бы конец.

Какую же ценность тогда имело обещание, воплощенное в Ультиматуме?

Обещание не имело никакой ценности. Взгляните на карту Бельгии. Вы увидите, что крепость Намюр находится как можно ближе к географическому центру страны. В чем заключалась бы суть независимости Бельгии, если бы в силу “старейшего из всех прав” Германия удерживала этот опорный пункт предположительно как барьер против Франции; фактически как центральную базу оккупации? Независимость Бельгии была бы лишь тенью.

В отчаянии король Альберт и его министры обратились к Великобритании. У них были на то веские причины. Независимость современной Бельгии - дело британской государственной мудрости. Великобритания выступила инициатором Гарантии в 1831 году, хотя Франция была первой державой, подписавшей ее, и Великобритания всегда рассматривала эту Гарантию как торжественное обязательство. “Мы обязаны защищать Бельгию”, - сказал лорд Джон (тогда граф) Рассел в Палате лордов, объясняя политику правительства в 1870 году. “Мне сказали, что это может привести нас к опасности. Я отрицаю, что какая-либо большая опасность существовала бы, если бы страна мужественно заявила о своем намерении придерживаться своих договоров и не уклоняться от выполнения своих обязательств. Когда приходится выбирать

между позором и честью, я не сомневаюсь, что правительство ее Величества изберет путь чести - единственный, достойный британского народа. Главное, как мы можем заверить Бельгию, Европу и весь мир в том, что великое имя, которое мы приобрели благодаря постоянному соблюдению истины и справедливости, не будет забыто, и что в будущем мы будем такими же, какими были в прошлом”.

Без различия партии, которая воплощает последовательную позицию британских министров с момента подписания Гарантии. Это доказало, что британские государственные деятели и британский народ до сих пор полны решимости, независимо от принадлежности к какой-либо партии. В обмене депешами, который состоялся между Брюсселем и Лондоном во время этого важнейшего заседания бельгийского кабинета министров, во всяком случае, было ясно одно. Безраздельная мощь и авторитет Великобритании и ее Империи должны были, во что бы то ни стало, быть брошены на сторону международного права и на сторону свободы. Когда ранний свет того летнего утра озарил их обсуждения, бельгийское министерство приняло решение. Рассвет после такой ночи символизировал цвета их флага — через тьму и испытания к свободе. Им предстояло столкнуться с худшим. В 4 часа утра их ответ был в руках немецкого министра, ожидавшего его получения. Это было: “Нет”.

Посягательство на нейтралитет Бельгии, говорилось в ответе, было бы вопиющим нарушением прав наций. Согласиться на предложение Германии означало принести в жертву национальную честь. Бельгия была полна решимости всеми возможными средствами противостоять агрессии.^A

Любой другой ответ был невозможен. Этот факт, однако, не умаляет великолепной храбрости отказа. Бельгийцы заплатили высокую цену за свободу. С тех пор как торговля и искусство нашли здесь свою первую точку опоры в Северной Европе, цветущие города и плодородные поля Бельгии были путеводной звездой политических авантюристов и нуждающихся грабителей. Они были предметом интриг и королевских браков. За них боролись бургундцы, испанцы, австрийцы, французы, голландцы и немцы. Но на протяжении всей их пестрой истории дух свободы и надежда на то, что они сами смогут вершить свою судьбу, никогда не были подавлены.

В 1832 году началась новая эра. На этой земле, чуде человеческого трудолюбия, где прекрасные города, богатые памятниками искусства и набожности, возникли среди древних болот; на земле, превращенной терпеливым трудом из запустения в сад, наконец-то воцарился мир. Оно было счастливо в выборе правителей, стремящихся к общественному благу. С неослабевающей энергией и преданностью общему благу Леопольд Первый с головой окунулся в работу по устранению тяжелых последствий войны. Он продвигал строительство первой железной дороги на Европейском континенте. Он поощрял промышленность и образование. Он способствовал развитию торговли. Под его мудрым правительством дороги Бельгии стали лучшими в Европе. Судоходные водные пути и каналы были улучшены, пока их общая протяженность не превысила 1000 миль. Были открыты богатые минеральные ресурсы страны. Работа, начатая таким образом первым королем Бельгии, была продолжена его преемниками. Никакие свидетельства общественного духа и государственной службы не добавили Королевскому дому большего блеска. “Народом Бельгии, - сказал один английский государственный деятель, - управляли мудро, справедливо и с должным учетом его

национального характера, и он вознаграждает такое обращение преданностью своему королю и твердой приверженностью своей конституции”.

Принятое сейчас решение по-прежнему ставить свободу превыше всего означало аннулирование всех результатов, с трудом достигнутых за почти восемьдесят лет спокойствия. Однако ни король Альберт, ни его министры не дрогнули. И бельгийский народ был так же тверд, как и они. У англичан свободолюбие обычно пассивно. Они считают свою свободу надежной. Только когда им бросают вызов, их любовь к свободе разгорается в страсть. Но бельгийцы знают, что их свобода живет под угрозой. Тень прусской воинской повинности легла поперек их дверей. Эта железная и материалистическая система, которая постоянно подрывает мужественность страны и раздавливает национальный дух, как китайский сапог, была ужасом Бельгии, как и Голландии на протяжении целого поколения. Не было забыто, что замыслы Пруссии в отношении Бельгии возникли не вчера. Прошло более пяти месяцев, прежде чем дипломатическое давление вынудило Пруссию в 1832 году поставить свое имя на “клочке бумаги”, от которого она теперь отказалась. Граф фон Мольтке провел специальное исследование Бельгии и Голландии, а также Польши. Вывод очевиден. Если бы не решительный фронт, продемонстрированный Великобританией в 1870 году, немецкая оккупация Бельгии давно была бы свершившимся фактом.

В 1870 году Пруссия не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы в одиночку противостоять Франции и Великобритании. Воодушевленная неожиданными результатами войны 1870 года и приписывая их полностью своей собственной доблести, а не в значительной степени неподготовленности Франции, она возродила свои планы против Нидерландов. Опасались не Франции, а Великобритании. Если мы хотим найти истинную причину антибританского духа, возвращенного в Германии и, конечно, не обесцениваемого официальным влиянием, то она будет обнаружена в Великобритании, стоящей на пути этого замысла. О пангерманизме открыто говорили колонии и *мировая политика*, но экспансия на восток и запад на Европейском континенте была определенной целью планов, столь тщательно подготовленных в Берлине; и дорогостоящего и разветвленного аппарата шпионажа, раскинувшегося подобно сети по всей Европе. Такова была мечта о богатстве перед глазами немецкого подчиненного, когда он ел за несколько пенсов, которые его “спартанская бедность” вынуждала брать в дешевом кафе, и ломал голову, как прожить, не влезая в долги.

Нам не нужно далеко ходить в поисках доказательств. Если читатель посмотрит на карту западной Германии, он увидит, что множество железнодорожных линий тянутся на полдюжины сторон света к востоку от Экс-ла-Шапель, как вытянутые пальцы руки. Они связывают Экс с восточной, северной и южной Германией. Сейчас Экс не является крупным коммерческим центром. Это просто место отдыха. Причин, по которым Экс должен быть огромным железнодорожным центром с огромными подъездными путями и километрами платформ, не больше, чем, скажем, у Висбадена. Но это не коммерческие железные дороги. Что касается обычного дорожного движения, то их строительство представляет собой почти безвозвратный убыток.

Железные дороги имеют военное и стратегическое значение. Относительно их строительства следует отметить один или два интересных факта. Во-первых, их строительство началось сразу после начала англо-бурской войны; это почти совпало со знаменитой телеграммой кайзера о

поражении Британии. Второй факт заключается в том, что изыскания, планы и сметы для этих железных дорог, должно быть, были сделаны задолго до этого и ждали удобного случая.

Итак, со времен Великого курфюрста Фридриха Вильгельма делами Пруссии управляли с экономией, которую можно было бы назвать почти скупостью. Тратить миллионы денег без очень веских на то оснований совершенно чуждо прусскому духу и традициям. Достаточно примечательно, что еще одна группа этих железных дорог, также не имеющих обычного движения, сходится на границе Голландии.

Точно так же, как Шарнхорст был изобретателем немецкой системы универсального обслуживания, а фон Хиндерсин - организатором их артиллерии, так фон Мольтке был, возможно, первым военным, который полностью оценил важность железных дорог на войне и их ценность в быстрой переброске масс войск во враждебную страну до того, как ее оборона может быть переведена на военное положение, что является краеугольным камнем немецкой стратегии.

Таким образом, не может быть никаких сомнений относительно истинной цели этих железнодорожных предприятий. То, что они не предпринимались до тех пор, пока не стало ясно, что Великобритания перестала быть серьезным препятствием, во всяком случае, в сухопутной кампании, подтверждается почти совпадающим изменением военно-морской политики, которое привело Германию к программам строительства тяжелых кораблей. Великобритания по-прежнему оставалась серьезным препятствием на море. Поэтому необходимо было построить достаточно большой военно-морской флот, чтобы заставить ее уступить. Считалось, что с Великобританией, уступчивой Австрией, Францией и Россией, остальными подписавшими Гарантию, можно было иметь дело, не опасаясь за результат.

Затраты были большими, но ожидаемая отдача была большой. Нидерланды - богатый приз. Не только их трудолюбивое и изобретательное население, но и их налогооблагаемая база легко сделали бы Германскую империю главным государством Европы. Если у Голландии нет ценных угольных и железных рудников Бельгии, то у нее есть важный торговый флот и ценнейшие колонии, включая владения в Индии. Экономическое значение Нидерландов для Германии и владение портами Амстердам, Роттердам и Антверпен очевидны. Обширное расширение морской торговли; множество новых и прибыльных занятий для немецких бюрократов сделали эту жертву бережливого народа вполне оправданной.

Но есть и другие соображения. Бельгия была центром внимания Европы, потому что Бельгия, как военная база, обладает почти непревзойденными преимуществами. Владение Бельгией или оккупация ее — что во многом одно и то же — означает контроль над ее богатыми ресурсами и 3400 или более милями превосходных магистральных дорог. Захват всего этого является большой чашей весов. Мощная армия, базирующаяся в Бельгии, доминирует во Франции и особенно в Париже. Франция может быть низведена этим до состояния опеки. И наоборот, конечно, великая французская армия, базирующаяся в Бельгии, имела бы Нижний Рейн в своей власти и могла бы “закупорить” Германию даже более эффективно, чем блокада ее побережья. Отчасти именно так Наполеон удерживал Пруссию. Очевидно, что нейтралитет и независимость Бельгии являются единственным разумным решением; и не менее очевидно, что здесь жизненно важны интересы Великобритании.

Сомнения относительно целей Германии были задолго до этого рассеяны в ответственных кругах, осведомленных о фактах. “Циничное нарушение нейтралитета Бельгии, — сказал мистер Асквит в своей речи в Ратуше, — в конце концов, было всего лишь шагом - первым шагом - в целенаправленной политике, если не *непосредственной*, то конечной и недалекой целью которой было подавление независимости и автономии Свободных государств Европы. Сначала Бельгия, затем Голландия и Швейцария — страны, подобные нашей, проникнутые духом свободы и поддерживаемые им, — одна за другой были подчинены ярму”.

Генералу фон Бернхарди вряд ли было необходимо в его книге “Следующая война” заявлять, что план германского генерального штаба заключался в наступлении на Францию через Бельгию. По правде говоря, он раскрыл секрет, который был настолько открытым, насколько это вообще возможно. Укрепление Францией своей восточной границы, угрожавшее превратить кампанию против Франции в войну с препятствиями, по крайней мере с самого начала, разрушило то, что уже упоминалось как краеугольный камень немецкой стратегии. Заградительная война не только позволила бы Франции собрать свои силы и распорядиться ими там, где это было бы наиболее эффективно, но и позволила бы ей встретиться на поле боя с противником, уже потрясенным усилиями и неизбежно тяжелыми потерями, понесенными при прорыве барьера. Одним словом, шансы в такой кампании были бы настолько против захватчика, что для Германии атака на этих рубежах была равносильна безнадежности.

Это, конечно, было так же хорошо известно в Париже, как и в Берлине. Поэтому неудивительно, что фон Бернхарди опубликовал свое “разоблачение”. Реальной целью раскрытия было помешать заинтересованным государственным деятелям отнестись к нему серьезно. До тех пор, пока в Берлине с полным основанием подозревали, что такой план тайно вынашивался, с ним приходилось считаться. Когда бы это было представлено миру в виде пышной и напыщенной книги, вероятно, возникло бы ощущение, что оно потеряло свой вес. Устройство, по-видимому, удалось. Франция, полагаясь на нейтралитет Бельгии, оставила свою северо-восточную границу практически открытой. Из барьерных крепостей Мобеж единственная была приспособлена для того, чтобы противостоять осаде с помощью современной артиллерии. На самом деле, теперь мы знаем, что уловка с разглашением секрета не увенчалась успехом. Напротив, это вдохновило на контрплан, который привел немецкие армии к катастрофе.

Тем не менее, до предъявления ультиматума правительству Бельгии мало кто из ответственных людей верил, что Германия пойдет на то, чтобы нарушить свое собственное обещание.

Перед лицом этого ультиматума стране, по площади не превышающей одной восьмой Великобритании, и с населением меньше, чем в Большом Лондоне, пришлось столкнуться с могущественной военной империей, которая усердно распространяла традицию о непобедимости своих армий. Неудивительно, что Германия рассчитывала на уступчивость и все, что подразумевало под собой уступчивость. Это было похоже на то, как если бы весь мир внезапно бросил вызов нашей национальной жизни и свободе, добавив уверенности в немедленном вторжении. Тем не менее, бельгийцы не дрогнули. Они доказали, что достойны духа своих отцов.

Все это было связано с этим “Клочком бумаги”.

ГЛАВА II ЛЬЕЖ

Ответ Германии Бельгии был объявлением войны.

3 августа немецкие войска пересекли границу в Долхейне, Франкошане и Ставело. Уже накануне немецкая армия, ожидавшая в Треве, переправилась через Мозель у Вассербилига, Бессельбрика и Ремиха и, несмотря на протесты, оккупировала Люксембург. Это были первые военные передвижения в ходе войны.

Оттеснив бельгийские кавалерийские заставы вдоль границы, войска из Экса, три армейских корпуса под командованием генерала фон Эммиха, продвинулись вперед, чтобы обеспечить, с одной стороны, переправу через Маас до того, как будет оказано эффективное сопротивление, а с другой - заставить Льеж врасплох. 9-й корпус был выделен для захвата Визе и моста в этом месте; 10-й двинулся маршем через Вербье с целью занять местность на юге и приблизиться к Льежу по ровной местности между Везром и Уртом; 7-й корпус следовал прямой дорогой из Экса в Льеж.

При пересечении границы генерал фон Эммих, командовавший этими войсками, распространил среди гражданского населения прокламацию, в которой провозглашались мирные намерения захватчиков и обещалась защита личности и имущества, если не будет проявлено враждебности. Очевидно, что это заявление было составлено и напечатано в ожидании согласия Бельгии, и времени на внесение в него поправок не было.

Поскольку бельгийское правительство только 31 июля отдало приказ о частичной мобилизации, предполагалось, что никакие значительные силы не будут встречены южнее Мааса, и Льеж вряд ли был готов к обороне за столь короткое время. Следовательно, силы вторжения не выдвинули тяжелых осадных орудий. Их оснащение осадной артиллерией, по-видимому, ограничивалось двенадцатью гаубицами 5 · 9 калибра, по четыре на каждый армейский корпус, которые представляли собой их обычное полевое снаряжение. На протяжении большей части своего наступления 7-й корпус не встретил ничего более грозного, чем слабый заслон из кавалерии.

Но бельгийское правительство приняло быстрые и энергичные меры. Немецкие войска, посланные занять Визе, по прибытии туда обнаружили, что, хотя бельгийцы эвакуировали основную часть города, лежащую на южном берегу реки, они уже взорвали мост и были готовы из пригорода на противоположном берегу серьезно оспорить проход.

Ширина Мааса в этом месте составляет полных 300 ярдов. Около шестидесяти ярдов моста было разрушено. Следовательно, немцам было необходимо построить понтонные мосты и прикрыть эту операцию обстрелом бельгийцев с их позиций.

Однако из хорошо укрытых окопов и домов с петлями на северном берегу бельгийцы продолжали вести яростный огонь и, хотя были в меньшинстве в артиллерийской дуэли, эффективно использовали свои орудия, создавая помехи немецким саперам. Неоднократно,

когда строительство было завершено, понтонные мосты разрушались бельгийскими снарядами. Бельгийцы успешно боролись за переправу через реку в течение трех дней.

Именно в самый разгар этого боя, 5 августа, из окон нескольких домов на южном берегу был обстрелян отряд немецкой кавалерии. Раздраженные возникшими трудностями и понесенными тяжелыми потерями, захватчики немедленно изгнали жителей и подожгли город. Многие мужчины, когда они выходили из домов, были без разбора расстреляны. Женщин и детей с явным варварством гнали перед немецкими войсками. Визе превратился в руины.

В тот же день деревня Аржанто, расположенная в двух милях вверх по реке на том же берегу, была точно так же разрушена, а ее население истреблено. Не может быть никаких сомнений в том, что это был террористический акт, имевший целью одновременно скрыть попытку наведения моста через реку в этом месте и подорвать всякую оборону Льежа.

Для бельгийцев трехдневная борьба за переправу через Маас имела важнейшие последствия. Это дало генералу Леману время, необходимое для подготовки Льежа к сопротивлению, которое стало и останется одним из самых известных эпизодов в европейской истории.

Бесстрашный и находчивый генерал Леман бросился в Льеж с 3-й дивизией бельгийской армии и смешанной бригадой из тех войск, которые можно было наспех собрать. Эти силы, насчитывавшие не более 25 000 человек, были усилены гражданской гвардией города и округа, но им все еще не хватало 50 000 военнослужащих, необходимых для формирования полноценного гарнизона.

Тысячи мирных жителей были добровольно наняты вдоль южных и юго-восточных пригородов на спешное рытье траншей в секторах между фортами. Войска взрывали здания, которые могли послужить прикрытием для атаки; разрушали и блокировали дороги; устанавливали проволочные заграждения; минировали мосты через Маас, Везр и Урту; готовили мины; размещали скорострельные орудия на выгодных позициях и устанавливали прожекторы и полевые телефоны.

Все это должно было быть сделано с максимально возможной оперативностью. Полнота и быстрота, с которыми была выполнена работа, представляли собой удивительный подвиг умелой организации.

Когда передовые посты 7-го немецкого армейского корпуса вошли в соприкосновение с передовыми укреплениями обороны, они обнаружили, что ничего, кроме силового штурма, недостаточно. Быстрый и эффективный огонь фортов в пределах досягаемости доказал, что Льеж был готов и настороже.

Немецкий план предусматривал одновременную атаку с севера, юго-востока и юго-запада, и если бы она была осуществлена, трудно представить, как крепость смогла бы устоять даже при первом натиске. План, однако, провалился.

Ввиду времени, потерянного 9-м корпусом при форсировании Мааса, генерал фон Эммих был вынужден сдерживать предполагаемую атаку 7-го корпуса. Эти войска без поддержки были слишком слабы, чтобы рисковать такой операцией. Кроме того, продвижение 10-го корпуса через Вербье было не таким быстрым, как предполагалось. Их маршу по холмистой и по

большей части густо поросшей лесом местности активно препятствовали мобильные силы бельгийцев, хорошо знакомых с оборонительными возможностями региона.

Тем временем подготовка к сопротивлению продвигалась день и ночь, и генерал фон Эммих знал, что его задача усложняется с каждым потерянным часом.

Он был хорошо осведомлен о слабых местах крепости. Из окружавшего ее кольца из двенадцати фортов только шесть были большими и мощно вооруженными; остальные представляли собой сооружения поменьше. Последние, однако, не чередовались регулярно с более крупными фортами. Два небольших укрепления, Шодфонтен и Эмбург, располагались близко друг к другу на юго-западе; два других, Лантен и Льерс, заполняли промежуток более 10 миль в поперечнике на северо-востоке; пятое, Эвенье, находилось на полпути между более крупными фортами Баршон и Флерон на юго-востоке. Это были три точки, выбранные для штурма. Форт Эвенье, прикрываемый огнем как Бархона, так и Флерона, был самой сложной точкой из трех.

Излишне говорить, что генерал Леман, одинаково хорошо осведомленный о сильных и слабых сторонах, принял соответствующие меры.

Очевидно, чувствуя, что он не может позволить себе промедления, немецкий командующий 5 августа направил 7-й армейский корпус против форта Эвенье с целью взять его штурмом. Бомбардировка началась за день до этого, после требования о капитуляции, которое было отклонено, но немецкие гаубицы были сильнее тяжелых орудий более крупных фортов. Огонь последнего, умело направленный, оказался неожиданно разрушительным.

Воспользовавшись укрытием, оставленным частично разрушенными зданиями, стенами и поваленными деревьями, немецкая пехота на дистанции для последнего броска сомкнулась в атакующие колонны и при поддержке своей артиллерии попыталась захватить штыками траншеи по обе стороны Эвеньи. Однако они не только подверглись обстрелу из орудий Бархона и Флерона, но и понесли огромные потери от фугасов.

Тактика, принятая бельгийцами, была хорошо продумана. Войска в траншеях не открывали огня до тех пор, пока атака не столкнулась с трудностями из-за заграждений, а затем отбили атаку меткими залпами.

Натиск, тем не менее, был слишком решительным, чтобы его можно было поколебать. Несмотря на большие потери, немцы преодолели траншеи, и хотя пулеметы, теперь направленные на них, сотнями косили их, некоторым удалось взобраться на гребень траншеи. Земляные укрепления были заполнены умирающими, но штурмующие отряды все еще продвигались по телам своих павших товарищей.

Именно в этот момент бельгийские войска получили приказ о контратаке. Вырвавшись из окоповсколом и в хорошем порядке, они отбросили штурмующие колонны неудержимым натиском. В ходе преследования потери немцев были огромными. Первая атака провалилась. Восемьсот пленных попали в руки победителей и были отправлены в Брюссель как первое свидетельство национальной доблести.

В то время как той ночью 7-й армейский корпус, выведенный за пределы действия фортов, зализывал свои раны, 9-й корпус, отвоевав переправу через реку ниже Визе, продвинулся на

позиции перед фортами на северо-востоке, и 6 августа была предпринята вторая попытка взять крепость штурмом.

Атака, разумеется, была произведена одновременно с юго-востока и с северо-востока. Сектора между фортами на северо-востоке были не менее тщательно укреплены, и хотя атака на форт Эвенье была снова отбита с потерями штурмующих колонн, равными, если не большими, тем, которые были нанесены в предыдущий день, некоторым войскам, по-видимому, 9-го корпуса, удалось, несмотря на ожесточенное сопротивление, прорвать оборону на северо-востоке. Ожесточенные уличные бои, однако, вынудили их отступить. Прикрывая это опасное отступление, принц Вильгельм Липпский пал во главе своего полка. Наступление с северо-востока, хотя и проводившееся с величайшей решимостью, было остановлено ужасающим ружейно-пулеметным огнем и обернулось поражением в результате контратаки, предпринятой в решающий момент.

Критическим периодом в боях в этот день стало то, что часть немецких войск прорвалась до моста в Вандре. Мост был заминирован, и, прежде чем захватчики смогли овладеть им, он был взорван. Превосходящие силы бельгийцев восстановили позиции.

Оборона оставалась нетронутой, и ужасные сцены в окопах свидетельствовали одновременно и о ее бесстрашии, и о решительности штурма. Немецкие убитые и раненые толстым слоем лежали на земле до самого гласиса фортов. Свидетельством смелости врага является подвиг восьми уланов, двух офицеров и шести рядовых, которые, ошибочно принятые за англичан, во время боя поскакали в штаб генерала Лемана с целью взять его в плен. Они были убиты или взяты в плен после рукопашной схватки в здании штаб-квартиры с сотрудниками бельгийского штаба при содействии жандармов.

Но хотя два штурма завершились неудачей с большими человеческими жертвами, той же ночью было предпринято третье, еще более отчаянное. На этот раз он был нанесен с юго-востока по форту Эвенье и с юго-запада по фортам Шодфонтен и Эмбург. Атака со второго квартала была осуществлена 10-м корпусом, который, наконец, занял позицию. Третья атака на форт Эвенье была открытой и поддерживалась сильной бомбардировкой. Это нападение на Шодфонтен и Эмбург было задумано как внезапное. Войска 10-го корпуса продвигались как можно тише, надеясь подкрасться к траншеям под покровом темноты. Они ждали, пока нападение на Эвенье продолжалось более трех часов.

События этой тревожной ночи в Льеже были превосходно описаны в ярком рассказе мистера Джеральда Фортескью, специального корреспондента Daily Telegraph, который был их очевидцем.

Был яркий лунный свет, и бельгийцы воспользовались им, чтобы еще больше усилить свои оборонительные приготовления, особенно к югу от города. Они были избавлены от необходимости использовать фонари, которые могли бы выставить их напоказ орудиям противника. Льеж, несомненно, наиболее открыт для нападения с юго-востока и юга, и больше всего из-за равнинного подхода между Весдром и Уртом. Это промышленный пригород. Крупный металлургический завод, фабрика стрелкового оружия, завод электрического освещения и железнодорожные депо в этом квартале сделали бы захват его особенно ценным. С другой стороны, трудности с подготовкой эффективной обороны были серьезными. Ввиду этого факта форты Эмбург и Шодфонтен расположены здесь близко друг к другу. Однако

практически сплошная линия укреплений замыкала оцепление между фортами Флерон и Бонсель. Для обороняющихся было к лучшему, что эти укрепления и заграждения перед ними были построены так недавно, что немцы не могли иметь достоверных сведений об их деталях.

Город лежал без единого огонька, его древняя цитадель возвышалась среди мрачного леса зданий, залитых лунным светом, подобно огромной тени. Только прожекторы, горевшие на фортах, подавали признаки жизни и бдительности. Они пересекли позиции, где враг разместил свою артиллерию; и порывисто пронеслись по вытоптанной местности, где вокруг разрушенных зданий и разрушенных стен, во рвах и среди заграждений множество убитых оставалось непогребенными.

Конечно, немецкий командующий знал, что в крепости, должно быть, происходит большая активность. Эта деятельность, если она продолжится, означала крах шансов взять это место штурмом.

За полчаса до полуночи началась яростная бомбардировка юго-восточных фортов. Осколочнo-фугасные снаряды разрывались с яркими вспышками и резким грохотом на самом гласисе фортов; шквал шрапнели обрушился на траншеи. Форты ответили энергично. Город содрогнулся от грохота боя.

С небольшим опозданием тяжелые силы немецкой пехоты продвинулись вперед. Ночь была благоприятной для такой атаки. Было достаточно светло, чтобы солдаты могли видеть дорогу, и в то же время достаточно темно, чтобы обеспечить такое укрытие, которое значительно уменьшало риск. Предполагалось, что это будет штыковой бой. Хотя серо-зеленый цвет немецкой формы был едва различим при таком освещении, массы выдавали себя своим движением. Из окопов было видно, как они подкрадываются для последнего броска.

Когда это было сделано, их колонны с безрассудной решимостью бросились через разделявшую их территорию в рвы. Но огонь защитников был столь же постоянным, сколь иразрушительным. Несмотря на то, что смертоносные молнии пулеметов сметали целые ряды, люди пробивались к брустверу окопов. Это было храбро, но тщетно.

Неоднократно натиск возобновлялся и отражался. Однако это была не главная атака. В 3 часа ночи, незадолго до рассвета, когда ночь была самой темной, внезапно начался штурм фортов Шодфонтен и Эмбург. Об этом не объявила артиллерия. Колонны 10-го армейского корпуса, насколько могли, подкрадывались бесшумно, нащупывая путь. Они обнаружили, что оборона приведена в боевую готовность. Несмотря на ружейный огонь из окопов, поддерживаемый орудиями фортов, они бросились вперед сомкнутым строем. Прожекторы фортов высветили их. Они падали сотнями, но снова и снова взбирались по склону окопов. Периодически вспыхивали ожесточенные штыковые бои. Основную тяжесть борьбы приняли на себя 9-й и 14-й бельгийские полки. 9-й, говорит мистер Фортескью, сражался как демоны. Один лишь ружейный огонь не мог остановить такие порывы. Только непоколебимая храбрость обороняющейся пехоты спасла положение, и только после того, как рвы были заполнены их убитыми и ранеными, немцы сломались и обратились в бегство.

Об ярости штурма можно судить по тому факту, что перестрелки продолжались пять часов подряд. Не раз, когда нападающие и защитники сходились в ожесточенных рукопашных схватках и траншеи через определенные промежутки времени покрывались массами сражающихся людей, казалось, что атака близка к успеху. Но с наступлением сумерек мощь

наступления иссякла. Когда разбитый враг угрюмо отступил, энергичная контратака Вандре привела их растерянные колонны в замешательство. Преследование было энергичным. Многие беглецы искали спасения за голландской границей.

В тот же день генерал фон Эммих попросил о двадцатичетырехчасовом перемирии для захоронения погибших немцев. В этом было отказано. Льеж выиграл короткую передышку.

Отказ от перемирия может показаться суровой мерой, но бельгийцы, несомненно, помнили, что именно из-за нарушения условий такого перемирия пруссаки в 1866 году захватили Ганновер. Таким врагам нельзя было доверять.

ГЛАВА III МОРАЛЬНЫЙ И ВОЕННЫЙ ЭФФЕКТ

Когда 4 августа король Альберт зачитал свою речь на совместном заседании Палаты представителей Бельгии и Сената, вполне можно было подумать, что наступил самый темный час в долгой и беспокойной истории Бельгии. Но король говорил с непоколебимой решимостью. Что бы ни случилось, бельгийский народ сохранит свободу, которая была его неотъемлемым правом. В момент действия он не побоится жертв. “Я верю в нашу судьбу”, - заключил король Альберт. “Страна, которая защищает себя, завоевывает уважение и не может погибнуть”.

Эта речь отражала чувства объединенной нации. Перед лицом опасности партия больше не была известна. М. Эмиль Вандервельде, лидер социалистов, принял пост в министерстве. Без колебаний обе Палаты проголосовали за чрезвычайные меры, предложенные правительством. Заявление месье де Броквиля, премьер-министра, о том, что немецкие войска уже находятся на бельгийской земле, вызвало глубокое волнение, но это волнение было порождено не страхом. Это было осознание того, насколько бесценно наследие свободы.

В тот волнующий день в Брюсселе, когда король отправился к своим войскам на фронт, преобладающим чувством была истинная “вера в судьбу нации”. Великобритания направила Берлину свой ультиматум в защиту прав Бельгии. Не только резервисты, призванные под знамена, но и многочисленные добровольцы стремились взяться за оружие. Толпы осаждали вербовочные пункты. Общественное мнение в бельгийской столице отражало общественное мнение повсюду.

Мобилизация оборонительных сил страны проходила гладко и быстро. Хотя общеизвестно, что ни в одной части Европы система шпионажа, работавшая из Берлина, не стала более изощренной, национальный дух лишь усилился. Затем пришли новости о боевых действиях и о бесстрашном сопротивлении, оказанном гарнизоном Льежа. Позже прибыл первый из многих немецких военнопленных.

Ошибки и просчеты, несомненно, привели к катастрофе немцев под Льежом, и прежде всего ошибка в грубой недооценке качества и эффективности бельгийских вооруженных сил. Эта ошибка повторялась во время всех попыток штурма крепости. Она стоила тысяч жизней немцам. Масштабы катастрофы, безусловно, будут известны только после окончания этой войны. Но то, что это была катастрофа величайшего масштаба, не подлежит никакому сомнению.

С чисто военной точки зрения разгром трех армейских корпусов - огромная цена даже за победу. Но разгром армии генерала фон Эммиха ничего не дал. Это просто доказывало, что бросать людей массированным строем на позиции, защищаемые современными пушками и винтовками, - безумие. Однако элементарный здравый смысл подсказывал тот же вывод. Как показали нападения на Льеж, элементарный здравый смысл не является сильной стороной прусского милитаризма. Поскольку Фридрих Великий эффективно использовал массированные формирования, массированные формирования были единственной идеей некоторых из его потенциальных почитателей.

Моральный эффект был больше, чем военный. Это разрушило за три дня все то здание престижа, над созданием которого целое поколение трудились прусская дипломатия, прусский шпионаж и пруссанизированная философия. Сказать, что Европа ахнула от удивления, значит мягко охарактеризовать эффект. Народы, выступавшие против германских амбиций, очнулись как от заклятия. Аспект войны изменился.

Здесь была армия, часть великой Боевой Машины, в которой война считалась практически воплощенной в виде точной науки, начавшая кампанию с грубого допущения, что люди, сражающиеся за свою страну, были не лучше, чем полуобученные наемники. Сопротивление переправе через Маас; сопротивление, оказанное войскам, посланным для захвата страны к югу от Льежа, рассматривалось как незначительное. Генерал, обладающий ресурсами и опытом, рассчитывал бы на это сопротивление как на несомненный факт.

Ни прусская стратегия, ни прусская тактика тогда не были тем совершенством, за которое их принимали. И то, и другое сломалось при первом же испытании. Нигде серьезность морального эффекта не была оценена лучше, чем в Берлине. С тех пор Берлин прилагал усилия, чтобы стереть его. В этом факте будет найден ключ ко всем последующим "суровостям" в Бельгии.

То, что в Берлине, во всяком случае, в официальных и информированных кругах, удивление было таким же глубоким, как и везде, подтверждается тем фактом, что 9 августа по нейтральному каналу министра иностранных дел Нидерландов правительство Германии сделало второе предложение. Предложение было сделано на следующих условиях:—

Крепость Льеж была взята штурмом после мужественной обороны. Правительство Германии сожалеет, что в результате позиции бельгийского правительства по отношению к Германии должны были произойти такие кровавые столкновения. Германия не хочет иметь врага в Бельгии. Только силой событий она была вынуждена, в связи с военными мерами Франции, принять серьезное решение войти в Бельгию и оккупировать Льеж в качестве базы для своих дальнейших военных операций. Теперь, когда бельгийская армия в героическом сопротивлении огромному превосходству самым блестящим образом сохранила честь своего оружия, германское правительство молит его Величество короля и бельгийское правительство предотвратить в Бельгии дальнейшие ужасы войны.

Правительство Германии готово к любому соглашению с Бельгией, которое могло бы любым мыслимым способом урегулировать ее конфликт с Францией. Германия еще раз торжественно заверяет, что ею не руководило какое-либо намерение присвоить бельгийскую территорию, и что это намерение далеко от нее. Германия всегда готова эвакуировать Бельгию, как только ей позволит военное положение.

Конечно, крепость Льеж не была взята штурмом, хотя, возможно, правительство Берлина было вынуждено поверить в это. С такой точки зрения дань уважения бельгийской доблести значительна. Германия упала в пропасть, и ее “торжественного заверения” было недостаточно, чтобы вытащить ее оттуда. Ответом бельгийского правительства был, во второй раз, решительный отказ. Берлин должен отвечать за последствия, и эти последствия были серьезными.

Первой необходимостью было навести порядок и, по возможности, скрыть это; прежде всего скрыть это от войск, которые должны были пройти тем же маршрутом. Они не должны слышать ни о чем, кроме побед. Необходимость разминирования и маскировки привела к задержке немецкого наступления в большей степени, чем даже успешное сопротивление льежского гарнизона.

Почему, можно спросить, гарнизон был выведен из Льежа, оставив только силы, достаточные для охраны укреплений? Для этого шага были веские причины. Начнем с того, что оборона города, в отличие от обороны фортов, выполнила свою задачу. Это не только задержало наступление немцев, но и привело к серьезной дезорганизации. Однако было несомненно, что в самый первый момент будут подтянуты тяжелые немецкие подкрепления, и оборона за пределами фортов будет подавлена одним только численным превосходством. В ожесточенных боях гарнизон, удерживавший окопы, понес серьезные потери, хотя они были незначительными по сравнению с нанесенным им сокрушительным наказанием. Тем не менее, они сформировали отряд превосходных войск численностью более 20 000 человек. Риск потери этих войск означал сокращение численности бельгийской армии на поле боя, что должно было серьезно подорвать ее боеспособность. Необходимостью момента была концентрация сил. Хотя оборона Льежа до последнего была важна, еще более важной была цель, которой бельгийская армия должна была служить на протяжении всей кампании, и, что важнее всего, успешная оборона Антверпена. От обороны Антверпена зависела независимость страны.

Таким образом, пока путь для отступления был еще открыт, генералы Бертран и Вермелен, оказавшие заметные услуги и доказавшие, подобно генералу Леману, что Военное училище в Брюсселе является рассадником способных и выдающихся людей, отвели свои войска и присоединились к основной армии.

Эта мера была проведена с такой быстротой и секретностью, что враг, которому хорошо служили шпионы и который внимательно наблюдал за передвижениями гарнизона, не смог вмешаться. Генерал Леман остался, чтобы продолжить оборону постоянных укреплений. У них были запасы провизии на осаду продолжительностью не менее двух месяцев.

Перед эвакуацией из города войска взорвали все, кроме двух, многочисленных мосты, которые в пределах кольца укреплений пересекают реки Маас, Урт и Вездр. В Льеже река Маас разделяется. Значительный район города построен на острове между рукавами реки. Мосты,

оставленные нетронутыми, были уступкой общественной необходимости, но с наименьшей вероятностью могли быть полезны врагу.

Разрушение мостов значительно снизило ценность вражеской оккупации. Важность Льежа для немцев как части их линии коммуникаций заключалась в контроле над железными дорогами. Над ними, однако, господствовали форты. Итак, пока последние держались, Льеж в любом реальном военном смысле не представлял для немцев никакой ценности. Поэтому, принимая во внимание позицию бельгийцев, было разумным шагом сосредоточить силу обороны на заводах.

8 и 9 августа немцы перед Льежем явно бездействовали. Но за этой кажущейся передышкой скрывалась непрекращающаяся активность. Массы обломков вперемешку с мертвыми телами, плывущими вниз по течению, свидетельствовали об ожесточенности борьбы за переправу через Маас. Как можно быстрее немецкие инженеры перебросили через водный путь за пределами досягаемости фортов Льежа пять наплавных мостов. Обеспечив проход, противник прикрыл местность к северу кавалерийским заслоном, препятствуя наблюдению со стороны бельгийских аванпостов и охраняя их мостовые сооружения от внезапного нападения.

Очевидно, они не были уверены, что вывод войск из Льежа не может быть уловкой. Их суровое обращение научило их осторожности. 9 августа небольшие отряды улан проникли в город с востока. Это, как обычно, были мужчины, специально записавшиеся добровольцами на службу. Хотя они, возможно, никогда не вернутся, стремление к Железному кресту велико. Они обнаружили, что город и укрепления, очевидно, эвакуированы. Никаких боевых действий не предлагалось.

Донесения в немецкий штаб о таком положении вещей привели ко второму требованию о капитуляции. Чтобы обеспечить защиту незащищенного населения, депутация из семнадцати видных граждан добивалась встречи с немецким генералом. Депутация была захвачена в качестве заложников.

10 августа немецкие войска вошли в город без сопротивления. В городе было введено военное положение и наложен “штраф” в размере 2 000 000 фунтов стерлингов. Но оккупация была пустым триумфом. Льеж, как военное владение, был шелухой, из которой тщательно извлекли ядро.

Оборона, сопровождавшаяся продолжающимся сопротивлением фортов, создала огромный клубок трудностей. Поскольку форты, благодаря использованию железобетона, были приспособлены для противодействия современной артиллерии, снаряды, даже гаубиц калибра 5·9, не производили на них никакого впечатления. Было необходимо перебросить из Эссена 28-сантиметровые гаубицы и даже еще более тяжелые 42-сантиметровые орудия, специально изготовленные для предполагаемой осады Парижа.

Излишне говорить, что в связи с тем, что стратегические железные дороги в Экс уже работали на полную мощность, перевозка этих тяжелых грузов внесла хаос в урезанный график. Существовала также необходимость, не рассчитанная на данном этапе, отправки раненых в тыл и замены свежими войсками батальонов, разбитых при попытке штурма. Необходимо было срочно спешить с переброской войск на фронт, чтобы бельгийцы не двинулись большими силами к Маасу. В результате отправка припасов была сильно приостановлена. В комиссариате на время воцарился почти хаос.

Если мы подведем итог их положению в конце первых двух недель войны, то обнаружим, что немцы практически ничего не добились. Они ожидали, что к тому времени будут недалеко от Парижа. Фактически, все, чего они добились, - это переправы через Маас. Невозможно переоценить военное значение этой задержки. В течение этих двух недель мобилизация французов проходила без перерыва. В конце концов британский экспедиционный корпус был высажен в Булони. Просчитанные преимущества секретной подготовки, которые вдохновили на ультиматумы, выдвинутые из Берлина, были сведены на нет. Первый принцип немецкой стратегии потерпел неудачу.

Наплавные мосты через Маас, важные как вспомогательное средство связи, ни в коем случае не были достаточными для снабжения таких сил, которые предполагалось направить через Бельгию для разгрома армий Франции и Великобритании и захвата Парижа. Контроль над железными дорогами был незаменим. Но без сокращения фортов в Льеже об этом не могло быть и речи.

Форты в Льеже продержались до 19 августа. Все более крупные сооружения имели треугольную форму и были вооружены как тяжелыми, так и скорострельными орудиями, установленными в стальных вращающихся башнях. Три из этих башен были исчезающего типа. При выстреле орудий башня этого типа автоматически исчезает из поля зрения. С помощью телескопических и отражательных прицелов орудия можно “уложить” для следующего выстрела, пока башня скрыта от посторонних взглядов.

Штурмовать форты, как было доказано, было практически невозможно. Они должны были быть разбиты снарядами огромных боеприпасов, привезенных с собой специально для этой цели, и установлены на массивных бетонных опорах.

Один за другим форты были разрушены. Однако они оказали упорное сопротивление. Их гарнизоны знали, что они призваны продать свои жизни за бельгийское отечество. Никто не покинул свой пост. В этой войне было много актов героизма. Защитники фортов Льежа заслуживают почетного места в памяти освобожденной Европы.

Генерал Леман, занявший свою квартиру в форте Лончин, находился в форте, когда он был взорван немецким снарядом, попавшим в склад боеприпасов. Он был спасен благодаря знаковому акту храбрости. “То, что я не расстался с жизнью, - писал он в том трогательном письме, отправленном позже из своего места заключения в Германии королю Бельгии, - это заслуга моего сопровождающего, который вытащил меня из крепости, когда я задыхался газом от взорвавшегося пороха. Меня отнесли в траншею, где я и упал”.

Большая часть гарнизона была погребена под руинами, но немногие выжившие рисковали собой в этом акте преданности. Лучшего доказательства духа бельгийской обороны представить невозможно.

Немецкий капитан нашел бесстрашного командира беспомощным и, напоив его жидким напитком, отвез в качестве пленного в город. Однако оборона Льежа выполнила свою задачу.

ГЛАВА IV

БЕЛЬГИЙСКАЯ АРМИЯ И ЕЕ РАБОТА

Независимо от задержки, была еще одна причина для обороны фортов в Льеже, которая вынудила противника разрушить их. Их разрушение означало, что Льеж как *крепость* на время прекратил свое существование. Для Бельгии это была тяжелая жертва. Однако его возможное влияние на более поздних этапах войны на немецкую оборону Нижнего Рейна очевидно. С течением времени развитие событий становится ясно, что стратегия союзных держав с самого начала была продиктована дальновидностью.

В соответствии с этими взглядами план бельгийской кампании последовательно осуществлялся. С самого начала в этот план никогда не входило противодействие немецкому вторжению в Бельгии, где, вблизи ее базы, ее силы были бы наибольшими, а у союзников наименьшими. Цель состояла в том, чтобы оттянуть немецкие войска как можно дальше от их базы и максимально удлинить линию их коммуникаций, а затем, когда они будут наиболее слабы, а союзники, находящиеся на позиции, - наиболее сильны, встретиться с ними лицом к лицу и нанести им поражение.

Но очевидно, что эта цель должна была быть скрыта всеми способами. Она была скрыта. На первый взгляд, все говорило о том, что бельгийская армия намеревалась выстоять или пасть в попытке прикрыть Брюссель. Появились сообщения о прибытии крупных французских сил. Ввиду страданий, вызванных вторжением, французы действительно были готовы послать вперед пять армейских корпусов. Те, что были добавлены к шести дивизиям бельгийской армии, оказали бы мощное сопротивление. Но это была бы низшая стратегия. В случае поражения, с которым всегда приходится считаться, боеспособная и продуманная часть бельгийской армии в кампании должна была быть серьезно подорвана. Положение страны ухудшилось бы.

Помня, что целью бельгийцев было защитить свою независимость, во взгляде была мудрость, которая сопоставила нынешние страдания с видением долгого и мирного будущего и решила действовать в сотрудничестве с более масштабной схемой. Это помогает оценить глубину любви к свободе и непоколебимую силу духа, которые по праву завоевали восхищение либеральной Европы.

Расположив свою штаб-квартиру в Лувене, король Альберт расположил свои войска вдоль линии от Диеста до Вавра. Между Вавром и Намюром, со штаб-квартирой в Жамблу, за местностью наблюдала дивизия французской кавалерии. Следует отметить, что эта линия описывает дугу протяженностью около 45 миль, охватывающую как Брюссель, так и Антверпен. На этом этапе военных действий была необходима мощная кавалерия. Численность бельгийской армии была недостаточной. Следовательно, французское подкрепление имело наибольшую ценность.

Обычно предполагалось, что бельгийская армия была несколько безразлична как к дисциплине, так и к материальной части. Такого мнения придерживались тогда в Берлине. Очевидно, там не осознавали, что давно прошли те времена, когда бельгийца как солдата можно было справедливо назвать плохой копией француза. Конечно, бельгийская армия не была обучена по прусскому образцу. Это, однако, оказалось ему только на руку.

Военная эффективность - понятие относительное, но во всех существенных отношениях бельгийцы были высокоэффективной силой. Одной из лучших особенностей их системы является то, что в каждом полку есть своя военная школа, где солдаты изучают элементы военного дела как интеллектуального искусства. Суть прусской системы заключалась в том, что рядовых учили подчиняться как машины. Бельгийский новобранец, с другой стороны, проявил интерес к своей работе. Его учили объяснять причины происходящего.

В Германии призывник тратил большую часть своего времени на то, чтобы научиться маршировать в точном строю парадным шагом, каждый солдат держал винтовку под одинаковым углом. Даже длина парадного шага была измерена с точностью до дюйма. Горе *тому бершу*, который промахнулся или сбил свою винтовку с правильного уклона. Очки, потерянные офицерами при проверке, передавались с процентами. В этой инструкции есть ценность, но в прусской системе она ставилась выше других вещей, еще более ценных.

Разница по существу между бельгийской армией и немецкой заключалась в том факте, что бельгийский новобранец не вызывал политических подозрений у своего начальства. Он был свободным человеком, служащим своей стране, а не низшим по подготовке для поддержки доминирующей касты. Его можно было без опасности сделать чем-то большим, чем просто механически эффективным.

Опять же, его военное образование в реальных полевых условиях было явно практическим. Бельгия - густонаселенная страна, полная зданий, живых изгородей и плантаций, обеспечивающих отличное укрытие. Ее армии в любом случае пришлось бы столкнуться с силами, значительно превосходящими ее по численности. Практическая работа учитывала эти моменты. Она была адресована успешным засадам; боям в открытом строю; быстрой смене позиций, сродни партизанской тактике; обороне траншей, каналов и мостов. Бельгийского солдата попросили быть находчивым и бдительным. Если в маневрах армия не демонстрировала ничего из того впечатляющего шоу, которое ассоциируется с имитационной войной в Германии, для целей, для которых оно было разработано, оно было превосходным. Возможно, не могло быть никакого сравнения между парадной выправкой немецкого и бельгийского пехотных полков, но в главном и для ведения боевых действий на своей территории бельгиец был легким первым.

Нет лучшего доказательства деловой подготовки бельгийской армии, чем использование ею прекрасных дорог страны путем организации отрядов велосипедистов-разведчиков, сотрудничество которых с кавалерией оказалось бесценным.

Итак, таковы были силы, которыми располагал король. Что касается артиллерии, то ее единственным недостатком было то, что ее было недостаточно. Однако он был силен в легких полевых орудиях, которыми можно было быстро управлять, и представлял собой очень полезное и удобное оружие новейшего типа.

Вряд ли нужен эксперт, чтобы понять, что с такой армией, как эта, самое последнее, что сделал бы способный генерал, - это дать решительный бой тяжеловесным легионам Германии, поддерживаемым подавляющей массой тяжелых орудий. Сделать это означало бы напрашиваться на уничтожение. Целью бельгийцев было преследовать, изматывать и заманивать в ловушку.

Это была война, в ходе которой примеры индивидуальной храбрости, отваги и быстрой инициативы подтвердили ценность бельгийской военной подготовки и показали, что перед немцами стояла задача не легче, чем перед испанцами Альвы.

Местность к югу от Мааса бельгийцы намеренно не предпринимали никаких усилий для обороны. Это страна глубоких долин с неровными и обрывистыми склонами; ущелий и ручьев, падающих между крутыми и скалистыми берегами. Основная масса Арденн тянется почти с юга на север от Арлона до Намюра. По большей части холмы покрыты густыми лесами, чередующимися с болотистыми и дикими плато и участками пасторальных возвышенностей. Захватчик в таком регионе мог найти мало средств к существованию.

В бельгийский Люксембург немцы ввели саксонскую армию под командованием генерала фон Хаузена и армию под командованием герцога Альберта Вюртембургского. Первый разместил свою штаб-квартиру в Марке, а второй - в Невшателе. В то же время армия наследного принца Пруссии создала передовую базу в городе Люксембург.

Первой целью этих движений был захват железных дорог — линии от Вербье до Люксембурга, линии от Льежа до Емеля и, в частности, главной линии от Намюра через Арлон.

Захватив линию из Вербье, захватчики Люксембурга были связаны с Эксом, но до тех пор, пока они не овладели Льежом и тамошними узлами, остальные железные дороги не представляли для них никакой ценности. Они были вынуждены перевозить припасы с большим трудом и затратами по дорогам с большими уклонами. Дальнейшее продвижение через французскую границу было в таких обстоятельствах невозможно. Следовательно, оборона Льежа задержала наступление как к северу, так и к югу от Мааса и привела к огромному и, по сути, бесполезному расходованию ресурсов. Это также вызвало серьезные заторы в Эксе, где в то время не менее восьми армейских корпусов собирались для наступления к северу от Мааса через бельгийскую равнину.

Тем временем к северу от Мааса бельгийцы не бездействовали. Они разрушали мосты и разрушали дороги. Железнодорожные мосты через Гир в Варенне и Тонгресе были взорваны; железнодорожный узел в Ландене пришел в негодность. Весь подвижной состав был переведен в тыл их войск.

Отчасти для проверки этих оборонительных мер, отчасти также для того, чтобы реквизировать столь необходимые припасы, а также для сбора информации о расположении бельгийских войск и, попутно, для устрашения населения, немцы сразу же засыпали страну к северо-востоку от Льежа многочисленными отрядами улан. Эти рейдеры быстро вступили в контакт с бельгийской кавалерией и разведчиками при поддержке легкой артиллерии и мобильных отрядов пехоты, опытных в качестве застрельщиков.

Тактика, принятая бельгийцами, была искусной. Перед вражеской эскадрильей или летучей колонной они отступали до тех пор, пока то, что немцы считали успешным преследованием, не продвинулось достаточно далеко. Затем, когда противник повернулся, чтобы отступить, он понял, что его завели *в тупик*, и был атакован по очереди с обоих флангов и с тыла. Из каждого укрытия вдоль дорог и с плантаций по отступающим войскам велся артиллерийский огонь. Их потери в этих непрерывных боях были в совокупности изнурительными. Часто последние остатки оказывали отчаянное сопротивление истреблению из ближайшего сарая или другого здания, в котором они могли укрыться.

Этот неожиданный опыт был объяснен ожесточенной враждебностью населения, которое, как предполагалось, бельгийское правительство вооружило для целей ведения партизанской войны *без разбора*. Похоже, немцам никогда не приходило в голову, что может существовать военная тактика, отличная от их собственной. Они по-прежнему придерживались мнения, что бельгийцы как военная сила достойны презрения. Когда были осознаны тяжелые потери, когда многие их уланы так и не вернулись или были найдены лежащими мертвыми в лесах и по обочинам дорог; прежде всего, когда из-за опасности реквизиции не удалось получить ожидаемых припасов, были приняты решения о “репрессиях”. Отправленные в путь колонны были усилены орудиями и пехотой с приказом опустошать деревни и фермы, которые были аренами истреблений и поражений. Бельгийским “зверям” был преподан суровый урок. Очень скоро страна в пределах видимости от Льежа была охвачена пламенем опустошения. Без различия возраста или пола те из населения, кто не смог спастись, были вырезаны. В этом грабеже, по-видимому, немецким войскам была предоставлена полная свобода действий.

С этого момента боевые действия во многом напоминали жестокую войну. С одной стороны, с бельгийцами поступили как с “мятежниками”, которых следовало убивать без пощады. С другой стороны, месть вдохновила на еще более смелое сопротивление. Несомненно, отчеты, доставленные в немецкий штаб выжившими в ходе налетов, утверждали, что потери были в основном среди гражданского населения. Вполне естественно, что они не хотели признавать поражение от бельгийских солдат. Люди, спасающие свою жизнь, обычно не являются точными наблюдателями. Очевидно, со стороны тех, кто несет ответственность, преобладало убеждение, что их люди не погибли в ходе военных действий, а были подстергнуты и убиты. Была начата политика систематического терроризма.

За этой политикой, очевидно, стояло раздражение бельгийским сопротивлением и его серьезными результатами. Однако эта политика только усугубила ситуацию. В тот же день (10 августа), когда они вступили в оккупацию Льежа, захватчики начали свои операции к северу от Мааса в более крупном масштабе. Они отправили летучую колонну из 6000 кавалеристов при поддержке артиллерии и пехоты в направлении Лимбурга через Тонгрес и Хассельт. В то же время они атаковали переправу через Маас у Хая.

Тонгрес, удерживаемый лишь несколькими бельгийскими аванпостами, был захвачен лимбургской колонной без особых трудностей, но у Хассельта им противостояли почти равные силы бельгийцев. Им позволили продвигаться в кажущейся безопасности. Внезапно баррикады из камней и телег, сложенные поперек дорог, оказались хитроумно устроенными укрытиями для пулеметов. Началась неожиданная атака. Колонна поспешно развернулась через леса и поля. Сильный отряд попытался прорваться через город, чтобы обезопасить мост. Попытка не увенчалась успехом. Поддерживающая пехота была вынуждена отступить. Прикрывая это движение, кавалерия понесла большие потери. Несколько человек попали в плен. Другие перешли голландскую границу и вошли в Маастрихт. Отступление было затруднено с обоих флангов и тыла вплоть до Тонгреша.

В Юи, где было несколько укреплений неважного характера, бельгийцы удерживали мост через реку, дающий доступ к местности между Льежем и Динаном. Немцы атаковали укрепления из тяжелых гаубиц. Однако форт продержался до 12 августа. Перед эвакуацией бельгийцы взорвали мост. Арьергард обороняющихся бросился наперерез под дождем вражеских снарядов, преследуемый по пятам. Эскадрон немецкой кавалерии, возглавлявший погоню, был

на мосту, когда уже заминированная часть сооружения взлетела в небо в облаке пыли и пламени.

На следующий день (11 августа) летучей немецкой колонной численностью около 2000 человек была проведена разведка боевыми действиями до Тирлемона и Жодуана. Эти войска, продвигаясь через Орснаэль и Ланден, методично опустошали страну. Гражданские лица, арестованные по обвинению в снайперской стрельбе, были расстреляны на обочине без всяких церемоний. Население в ужасе бежало. Последствия вторжения были отмечены пеленой дыма, поднимавшейся от горящих скирд, усадеб и разрушенных деревень. То, что было плодородной сельской местностью, превратилось в запустение. Даже священники, совершавшие последнее помазание умирающих жертв, были зарублены или проткнуты копьями. В

У Дормаэля вторжению противостоял отряд бельгийских улан, которые отступили перед ним. Колонна продвинулась до Боста, в виду Тирлемонта. Там бельгийская пехота приблизилась. Опасаясь засады, немцы начали отступление. Их преследовали через Сен-Тронд и Варенн до их позиций возле Льежа. В этом преследовании на протяжении более двадцати миль они потеряли значительную часть своих общих сил.

Одним из результатов этих проверок было то, что в ходе последующих операций противник признал эффективность бельгийцев, применив их первоклассные войска. Ни в одной современной армии разница, и к этому можно добавить различие, между отборными полками и остальными не является более заметной, чем в Германии. Из массы пехоты отбираются лучшие стрелки и умнейшие люди для формирования полков *егерей* (охотников), которые обучены сражаться как в открытом, так и в сомкнутом строю. Это желанное повышение, но оно оставляет обычные линейные полки на уровне ниже современных представлений о реальной боевой эффективности. Общая численность *егерей* составляла в начале войны около 70 000 человек. Они составляют единственный элемент немецкой пехоты, который может серьезно сравниться, скажем, с британской пехотой. Если брать бельгийскую пехоту в целом, то они были примерно на том же уровне и по-прежнему насчитывали около 90 000 человек.

Прием в немецкую кавалерию осуществляется по классовому признаку, но некоторые полки являются близкими корпорациями прусской и ганноверской аристократии. Один из самых известных и эксклюзивных гусарских полков "Мертвая голова", получивший свою репутацию во время Семилетней войны, хвастался, что до сих пор никогда не отступал, кроме как по приказу. Истории о его дерзновении являются неотъемлемой частью каждого немецкого школьного учебника.

12 августа началась самая крупная на сегодняшний день попытка выяснить дислокацию и численность основных сил Бельгии. Энергичные меры, принятые бельгийским правительством для борьбы со шпионской системой, очевидно, дезорганизовали эту практику. Ничего не было известно наверняка ни о передвижениях основных сил бельгийской армии, ни о ее намерениях, что свидетельствовало о предусмотрительности ее командования.

Было важно, чтобы противник, по возможности, получил эту информацию. Нет необходимости настаивать на важности для немцев маневрирования главной бельгийской армией на позиции, которая открыла бы Антверпен, и, навязав ее Брюсселю, подвергнуть ее поражению в ситуации, которая либо вынудила бы ее отступить через французскую границу, либо капитулировать. Если

бы этого удалось достичь, это не только повлияло бы на всю кампанию на западном театре военных действий, но и восстановило бы престиж, и без того столь сильно пострадавший.

Эти соображения объясняют атаку на бельгийские позиции 12 и 13 августа. Атака была направлена на два пункта — Эгезе, к северу от Намюра, и Диест. Основная немецкая колонна была направлена против Диеста при попытке совершить разворот. Атака в Эгезе была спланирована, чтобы помочь этому движению, вынудив бельгийцев осуществить общее отступление на запад.

Войска, посланные против Диеста, представляли собой кавалерийскую дивизию, бригаду, состоящую из *егерских* полков, и сильную артиллерию. Общая численность, вероятно, составляла около 26 000 человек, более половины из которых были конными. Из кавалерии одним из корпусов был гусарский полк "Мертвая голова". Силы, брошенные вперед к Эгезе, по-видимому, представляли собой дивизию с сильной кавалерийской поддержкой и парком автомобилей с пулеметами.

Ни одна из атак не достигла своей цели. Атака, направленная против Диеста, оказалась катастрофической. Поскольку каждый житель был разведчиком обороняющихся войск, было невозможно, чтобы колонна, каким бы быстрым ни было ее передвижение, смогла застать бельгийцев врасплох. Большая часть страны, по которой прошел враг, была опустошена и, по-видимому, безлюдна. Однако на внешность в этом отношении полагаться не следует. Несмотря на все предосторожности немецких разведчиков, было получено своевременное сообщение, и когда колонна достигла деревни Зельк, и ее численность была известна, и ее цель была точно определена.

Силы разделились для одновременной атаки на Диест и деревню Хэлен в трех милях к юго-востоку. Бельгийцы спешно подготовили Хэлен к надежной обороне. Они окружили дома петлями и замаскировали батарею орудий в древнем форте, господствующем над главной улицей. Позицию удерживали семьсот человек.

Немецкая кавалерия попыталась прорваться к нему. Мистер У. М. Максвелл, специальный корреспондент Daily Telegraph, в красочном отчете об этом событии рассказывает о стремительном броске, совершенном немецким 17-м драгунским полком по главной улице и вверх по гласису форта, на который они пытались взобраться верхом. Их расстреляли из домов и из форта одновременно, и улица осталась заваленной мертвыми людьми и лошадьми. Отступая, они обнаружили, что их отступление отрезано, и 300 выживших остались в руках победителей в качестве военнопленных.

По крайней мере, подобную опрометчивую тактику постигла та же участь. Очевидно, немцы думали, что им удалось преподнести сюрприз, и это впечатление усилилось, когда они обнаружили, что мост через глубокую и медленную реку Дайл все еще цел. Мост оставили стоять в качестве уловки. Она была прикрыта хорошо замаскированными пулеметами. Когда немецкие всадники попытались переправиться через реку, их расстреляли целыми массами.

В этой атаке на Диест гусары "Мертвой головы" сохранили свои традиции, но ужасающей ценой. Лишь относительные остатки корпуса вернулись живыми. Они потеряли знамена полка, которые впоследствии некоторое время висели в древней церкви в качестве трофея.

Несмотря на поражение кавалерии, атака была яростной. В разгар бомбардировки лейтенант ван Донон, возглавляя людей из городской пожарной команды, прокрался к канаве, из которой они смогли обстрелять немецкую батарею и перестрелять артиллеристов.

Как обычно, самые тяжелые потери захватчики понесли при отступлении. Вдоль дорог и в полях к югу от Диеста бельгийские крестьяне нашли и похоронили около 2800 убитых немцев.

В этом сражении бельгийскими войсками была задействована кавалерийская дивизия, усиленная бригадой всех родов войск. В основном с обеих сторон это были кавалерийские действия, где бельгийское мастерство и находчивость в перестрелках противопоставлялись навыкам противника.

В Эгезе немецкая атака должна была прорвать французскую кавалерию. Там тоже была получена своевременная информация. В критический момент немцы оказались внезапно атакованными с фланга бельгийскими войсками из Намюра. Результатом стал жестокий отпор. Многие автомобили, задержанные на дорогах отступающими войсками, защищавшимися от лихих атак французской кавалерии, пришлось бросить.

ГЛАВА V

НЕМЕЦКАЯ ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА

Выполнили ли, по оценке немецкого командования, только что описанные операции свою задачу или нет, решить невозможно, но, по крайней мере, это вызывает сомнения. Не только в более серьезных боях, но и в многочисленных мелких стычках и непрекращающихся стычках на аванпостах потери захватчиков, если бы они были действительно известны, вероятно, показались бы удивительными. Потери пришлось главным образом на их кавалерию и больше всего на их уланов. Целая туча этих налетчиков наполнила страну и вызвала к себе ненависть актами жестокости и грабежа. Они были в основном агентами Террора. Из девятнадцати таких полков в немецкой армии около четырнадцати, по-видимому, служили в Бельгии. По истечении десяти или двенадцати дней большая часть этого отряда была либо убита, либо ранена, либо взята в плен. Можно не сомневаться, что их выгнали жить за счет страны. Они жили плохо; попадались в ловушки направо и налево; мстили себе бесчинствами; но вели против разъяренного и несправедливо разоренного народа то, что на самом деле было невозможным состязанием. Политика отправки бродячих банд в такую густонаселенную страну, как северная Бельгия, была абсурдной.

До нынешнего момента немецкая кампания в Бельгии была сплошной чередой грубых ошибок. Был нанесен почти неисчислимый ущерб; свирепствовали убийства и грабежи; но что-либо похожее на твердую победу или первые шаги к ней было так же далеко, как и прежде. Примечательно, что после его подвигов в Бельгии улан занимает очень незначительную часть. Восточная Бельгия в немалой степени стала его могилой.

До сих пор операции позволяли бельгийской армии наносить тяжелые потери, оставаясь при этом невредимой. И теперь появился новый фактор — наступление французов на бельгийский Люксембург. В тот момент бельгийцы все еще удерживали Намюр и два моста через Маас. Было возможно, поскольку немцы захватили Хай, что они двинутся всеми силами на Динан и, форсировав реку выше этого места, попытаются совершить отвлекающий маневр в тылу бельгийских позиций в сочетании со второй попыткой отрезать бельгийскую армию от ее базы в Антверпене.

Чтобы предотвратить это, французы переправились через Маас и заняли Динан. К тому времени, когда они прибыли, ожидаемое продвижение немцев уже началось. Отчасти французское наступление было направлено на то, чтобы прощупать силу и расположение противника в Арденнах с учетом их собственных планов, но оно также было направлено на то, чтобы помочь бельгийцам задержать продвижение противника на запад.

Результатом этих противостоящих движений 15 августа стало резкое столкновение. Попытка немцев переправиться через реку выше Динана была отброшена французами. Имея значительно превосходящие силы, немцы двинулись на город, готовясь взять его штурмом.

Описывая штурм, мистер Грэнвилл Фортескью утверждает, что немцы перебросили сильный отряд легкой пехоты при поддержке горных батарей. Французы укрепились на окраинных холмах и в древней цитадели, скалистом массиве на южном берегу Мааса, с вершины которого открывался вид на реку на много миль в обе стороны. Атака была решительной, и некоторые из отдаленных позиций были взяты штурмом. Французское подкрепление, однако, было подтянуто, и позиции были отбиты.

В городе, обороняемом линейным французским полком, поперек улиц были возведены баррикады. Мост был укреплен проволоочными заграждениями и удерживался подразделением пехоты с митральезами.

Живописное старинное местечко, укрывшееся под высокими известняковыми утесами на одном берегу реки и карабкающееся вверх по лесистому склону холма на другом, подверглось ожесточенной бомбардировке. Когда снаряды пробивали крыши и стены, жители искали убежища в своих подвалах.

После упорного боя немцы овладели гребнем скал над старым городом и под прикрытием сильного артиллерийского огня взяли штурмом цитадель. Город и мост, однако, все еще удерживались. Дальнейшее французское подкрепление с помощью пушек выбило немцев со скал. С этой позиции французские артиллеристы, в свою очередь, обстреляли цитадель. Один из их первых выстрелов пробил древко флага и сбил водруженный на нем немецкий флаг.

Таким образом, первая атака на Динан была отбита, хотя и не без серьезных потерь среди обороняющихся. Возобновив атаку на следующий день более крупными силами, немцам удалось овладеть городом на восточном берегу реки, которая здесь протекает почти с севера на юг. Часть Динана на противоположном берегу оставалась в руках защитников, которые контролировали переправу через водный путь.

При овладении старым городом противник предпринял решительную попытку форсировать проход. В этой операции участвовали две кавалерийские дивизии, одна из них кавалерия прусской гвардии численностью 8000 человек, с несколькими батальонами егерей и ротами

maxim. В то время как пехота выстраивалась на позициях на восточном берегу, а артиллерия открыла обстрел из цитадели и утесов, кавалерия *в массовом порядке* ринулась через мост, открывая путь *егерям*. На крутых улочках и за садовыми оградами нового города бушевало упорное сражение. Это было обусловлено наступлением дивизии французских егерей, которые обратили немцев в бегство вплоть до берега реки. Мост превратился в массу сопротивляющихся беглецов, спотыкающихся о павших лошадей и людей. Чтобы спастись, те, кто был отрезан, бросились в воду. Многие в суматохе утонули.

Начиная с Намюра французы оставались хозяевами западного берега, а в Намюре бельгийцы все еще владели важным мостовым переходом. Союзные войска также удерживали свои позиции от Намюра по всей стране через Жамблу и Лувен до за Дьестом. Но за этой дамбой, которой противостояли союзники, неуклонно нарастал серо-зеленый поток вторжения, готовый прорваться с кажущейся непреодолимой массой и импульсом, чтобы покрыть своим опустошением богатые поля Бельгии и прекрасную землю Франции.

На первый взгляд казалось, что врага научили осторожности. Перед линиями обороны союзников простиралась Нейтральная полоса шириной 10-15 миль. Ближе Рамиллиса никто из немцев не встречался. В наступившем опустошении, среди отвратительной нищеты войны, время от времени перепуганные крестьяне, старики или овдовевшие женщины убегали в укрытия при отдаленном приближении незнакомцев, друзей или врагов.

Брюссель начал восстанавливать дыхание. Хотя театры, кинотеатры и другие общественные увеселительные заведения были закрыты, а оживленное движение на бульварах сократилось до редких транспортных средств, магазины, наглухо закрытые в первые дни Террора, вновь открылись, *икафе* были заполнены толпами, жадно обсуждавшими последние новости.

Когда в понедельник, 17 августа, правительство переехало из Брюсселя в Антверпен, стало ясно, что надвигаются серьезные события. Все было готово к вывозу в течение нескольких дней. Во Дворце правосудия суды и реестры были закрыты, а на двери наложены печати. Были приняты меры для защиты бесценных художественных сокровищ страны и на случай любых чрезвычайных ситуаций. Правительство выпустило обнадеживающее заявление, призывающее общественность к доверию и выражающее решимость любой ценой защитить свободу страны. Несмотря на глубокую тревогу момента, общественный настрой оставался непоколебимым. Не было и следа ни беспорядка, ни паники.

Было известно, что до тех пор, пока форты Льежа продолжали сражаться, немецкое наступление не могло начаться. Несмотря на усилия немцев покрыть свои приготовления плотнейшей завесой секретности, бельгийское правительство было хорошо информировано. Льеж стал для оставшихся в живых жителей тюрьмой. В качестве меры предосторожности захватчики разделили город уличными баррикадами. Каждый подход к этому месту тщательно патрулировался. По ночам единственными звуками были тяжелые шаги прусских патрулей по улицам, где в разрушенных домах виднелись пробоины, проделанные снарядами, или по набережным мимо мостов, *обломки* были свалены в кучи в реках. Во многих домах не было дверей, но во всех было темно и тихо. Тем не менее, новости просочились через немецкие линии, и когда 18 августа, заставив замолчать все форты, кроме двух, началось немецкое наступление, ни бельгийское правительство, ни бельгийское командование не остались в какой-либо неопределенности. Дух и ресурсы, которые поставили в тупик всю энергию Испании, все еще ставили в тупик всю мощь пруссанизированной Германии.

Странное зрелище представляло собой это, казалось бы, бесчисленное и бесконечное воинство, когда оно дефилировало по всем главным дорогам, ведущим на северо-запад. Никакие слова не могут адекватно описать передвижение армии, или, скорее, сочетания армий, общей численностью почти в три четверти миллиона человек. Эффект слишком огромен, и вполне можно спросить, какая человеческая сила могла противостоять такому множеству, спаянному огромным трудом организации в машину разрушения и смерти. Она текла вперед, подобно приливу, несущемуся по прибрежным протокам, готовая обрушиться на препятствия яростными волнами, но волнами огня. Ряды копий двигались среди леса штыков. Мимо с грохотом проезжали бесконечные составы с орудиями и автомобилями, полевые кухни, полевые пекарни, огромные фургоны с понтонными, запряженные длинными упряжками лошадей, громоздкие кессоны, походное снаряжение, переносные кузницы. Пыль поднималась с раскаленных дорог и плыла над пустынными и вытоптанymi полями. Сабли и штыки отражали августовское солнце. И час за часом масса катилась вперед, казалось, без конца.

Такого зрелища Западная Европа не видела со времен Аттилы; подобного не было и с тех пор, как готские орды перешли через Альпы на равнины северной Италии. Готы были варварами. Они, их потомки, обладали ресурсами цивилизации, но руководствовались теми же надеждами и устремлениями — господством и видением материальных богатств; вдохновлялись той же верой в собственную непобедимую доблесть; побуждались той же убежденностью в своем врожденном праве как самых доблестных людей земли владеть солнечными землями, удерживаемыми трусами и дегенератами, и управлять ими. Было бы глубокой ошибкой предполагать, что философия Трейчке является чем-то новым. Она такая же древняя, как Германия. С тех пор, как дикие болота, песчаные равнины и мрачные леса центральной Европы стали домом плодородного народа, добывающего себе трудные и скудные средства к существованию, люди мечтали о странах на западе и юге, где красоты искусства говорят о богатствах почвы и где темная и морозная зима не сковывает года.

Двенадцать армейских корпусов пересекли бельгийскую равнину. Корпус немецкой армии состоит на военном положении из 63 000 человек. Таким образом, общая численность этого огромного войска не могла быть меньше 700 000 человек, даже с учетом потерь. Обычно об армейском корпусе говорят так, как если бы он был незначительным. Армейский корпус, однако, - это полноценная армия, состоящая из огромного количества людей.

Хотя это могло показаться сложным и на самом деле было триумфом техники, план наступления был прост. Правый фланг был прикрыт подавляющей массой кавалерии. Было подсчитано, что в этой поистине грозной колонне насчитывалось 65 000 из 83 000 сабель немецкой армии. Остальные продвигались тремя основными колоннами, направляясь к дорогам между Брюсселем и Намюром. Предполагалось продвинуться прямо к французской границе, прежде чем французы смогут собрать там достаточные силы, чтобы остановить наступление. Войску такого масштаба потребовалось бы два дня и ночь, чтобы пройти любой данный пункт. Расстояние между фургоном и задней частью составляло половину ширины Бельгии.

Теперь очевидно, что одной из причин немецкого вторжения в Лимбург была расчистка территории между Льежем и Маастрихтом, чтобы незаметно собрать свои войска и транспорт для великого похода. Военная ситуация, сложившаяся сразу после общего наступления, была интересной. Вероятно, она породила больше недоразумений, чем любая другая фаза войны.

В уже упоминавшейся декларации, выпущенной бельгийским правительством по случаю его переезда в Антверпен, было сделано заявление о том, что “достижение цели, поставленной перед бельгийскими войсками в общем плане кампании, преобладает над всем.... То, что происходит у наших ворот, - не единственное, о чем следует думать. Стратегическое движение, задуманное с четко определенной целью, не обязательно является отступлением.... В настоящее время нет необходимости давать себя повесить. Поступить так означало бы сыграть на руку немцам”.

Было указано, почему преобладало стремление к цели, поставленной перед бельгийскими войсками. Каким было стратегическое движение с четко определенной целью?

В своей диспозиции для наступления немцы разместили свои основные силы кавалерии и большое количество мобильных орудий справа от себя, чтобы это крыло могло нанести быстрый фланговый удар по бельгийской армии и, по возможности, окружить ее. Насколько было известно, бельгийские позиции все еще простирались от Диеста через Эршо и Лувен до Вавра. Они, безусловно, простирались до ночи 17 августа. Но в ту ночь они были быстро и тайно заменены. Левый фланг был выдвинут на восток за Диест, а правый отошел, так что армия в ее новом положении заняла укрепленные позиции вдоль Дайла и за ним. На этих позициях он был хорошо подготовлен к успешному сопротивлению значительно превосходящим по численности силам и в любом случае находился на легком расстоянии от внешних фортов Антверпена.

Чтобы замаскировать это изменение фронта, в Лувене были оставлены небольшие силы прикрытия, а часть кавалерии была брошена вперед в целях наблюдения до самого Тирлемона.

18 августа эта кавалерия вошла в соприкосновение с уланами, образовавшими передовой фронт немецких колонн. Они быстро отступили к Лувену и после демонстративного сопротивления перед этим местом отступили к Малину.

Немцы поверили, что Лувен все еще удерживается в силе, и открыли артиллерийский обстрел. Испытав на себе бельгийские уловки, они отважились войти в город только несколько часов спустя.

Для бельгийцев этот выигрыш во времени был важен. Поскольку было необходимо занимать старые рубежи до последнего возможного момента, смена фронта не была полностью завершена, когда быстро продвигающееся правое крыло огромного войска вторжения угрожало частично сорвать его. Армия с ее препятствиями и пушками не может быть переброшена с места на место в одно мгновение, и одной части бельгийских войск предстояло преодолеть расстояние почти в 20 миль.

Поэтому любой ценой было необходимо задержать немецкое движение. Это было нелегко, потому что уланы и вооруженные мотострелки рассредоточились по всем дорогам и проселочным дорогам широким веерообразным строем, покрывающим многие мили местности. Тем не менее военная хитрость в Лувене оказалась успешной. Три пехотных полка, корпус проводников, 3-й и 9-й, а также кавалерийская дивизия обманули противника, заставив его поверить, что они являются войсками прикрытия гораздо более крупных сил, и он подтянулся, чтобы развернуться для боя. Как и было неизбежно, задействованные бельгийские силы понесли несколько серьезные потери. Это действительно была самоотверженная служба, но она выполнила свою задачу. Когда немцы двинулись в боевом порядке против

предполагаемых бельгийских позиций, они обнаружили, что те опустели, и, должно быть, испытали нечто вроде ощущения, что ступаешь по отсутствующей лестнице.

Начавшись с операций "аванпост" 18 августа, битва при Лувене, как ее теперь называют, продолжалась в течение 19 и 20 августа. С одной стороны, происходили бои между уже упомянутыми бельгийскими войсками, специально выделенными для сдерживания правого фланга немецкого наступления; с другой стороны, немцы пытались на фронте от Диеста до Эршота обойти левую часть новой бельгийской позиции. По центру, чтобы облегчить попытку разворота, развернулась грозная артиллерийская дуэль.

Войска, стоявшие перед Лувеном, численностью около 20 000 человек, с блестящей доблестью применили тактику, наиболее эффективную в такой ситуации. Отступая под всеми доступными прикрытиями всякий раз, когда давление численного состава становилось слишком угрожающим, они использовали любую возможность для контратаки и этими альтернативными наступлениями и отступлениями сводили продвижение противника к минимуму. Немцы оказались вынуждены прочесать каждую позицию своей артиллерией, прежде чем бросить вперед своих стрелков и, наконец, двинуть вперед массы пехоты. Обладая глубоким знанием страны, бельгийцы заманивали их в самые труднодоступные места, а затем внезапно отступали и вытесняли оттуда. К тому времени, когда было подано подкрепление, противник обнаружил, что позиции эвакуированы.

Так из часа в час продолжалась битва на дорогах, в лесах, за изгородями и канавами, с яростными натисками и контратаками пехоты и перебежками кавалерии; воздух наполнялся клубами и дымом разрывающейся шрапнели, грохот битвы медленно разносился над местностью, как затихающая гроза с прикованными к земле молниями. То, до какой степени умелые войска могут остановить продвижение вражеских сил, значительно превосходящих их по численности, неоднократно демонстрировалось на войне. Немцы использовали свое подавляющее превосходство в кавалерии и пулеметах с величайшей энергией. Однако им пришлось иметь дело с неуловимыми, но смелыми и настойчивыми врагами. В этой части Бельгии местность совершенно равнинная. Здесь нет холмов, которые облегчали бы наблюдение. Информация летчиков стала ненадежной из-за быстрых перемещений бельгийских войск. Захватчикам приходилось буквально пробираться ощупью, воображая, что основная армия находится перед ними. За узким горизонтом таилась опасность, но где именно, сказать было трудно.

Самым серьезным усилием со стороны захватчиков было перебросить крупные силы в направлении Антверпена. Из-за сильной позиции бельгийцев и смены ими фронта попытка провалилась. Предполагаемое бельгийское левое крыло стало его центром. Как бы сильно она ни была укреплена сейчас, с глубокой рекой впереди и большой крепостью в тылу, эта позиция делала атаку слишком дорогостоящей, чтобы ее можно было продолжать. Чтобы форсировать ее, потребовалась бы по меньшей мере половина всего могучего немецкого войска. Это, однако, привело бы к путанице в программе. Артиллерийская дуэль продолжалась от рассвета до темноты, но бельгийцы показали себя непоколебимыми. Все попытки захватчиков перебросить войска через Дайл были отбиты с большими потерями. В конце концов, немцы были вынуждены отступить, оставив основную бельгийскую армию по-прежнему непобедимой угрозой.

Военные соображения, которые диктовали бельгийскую стратегию, могут быть легко разъяснены. Поскольку базой армии был Антверпен, где у нее были все припасы и боеприпасы, первоочередной задачей было не оказаться отрезанной от этой базы. Армия, защищающая свою родную страну и среди своего собственного народа, может, что касается продовольствия, быть где угодно дома, но в современной войне она не может сражаться без снарядов и пуль, и когда те, что она приносит с собой, истощаются, ее мощи как современной боевой силы приходит конец. Ни одна армия не может обременять себя на поле боя большим количеством боеприпасов, чем ей непосредственно необходимо. Следовательно, ей приходится поддерживать связь со своими резервными запасами, или, выражаясь военным языком, поддерживать открытыми свои линии связи.

Это для командующего генерала так же важно, как и победа. Действительно, победа, одержанная без перерезания коммуникаций, была бы иллюзорной.

Второе соображение, не менее важное, заключается в том, чтобы не сражаться в таком положении, при котором в случае вынужденного отступления армия, чтобы сохранить свои коммуникации, должна будет пройти через фронт победоносных сил. Результатом почти наверняка стало бы непоправимое поражение. Боевые действия в ситуации такого рода известны как боевые действия с фронтом армии, повернутым к тому, что должно быть ее флангом, или, выражаясь военной фразеологией, это позиция “фронт во фланг”. Одна из целей стратегии - при любой возможности загнать враждебную силу в такое положение.

Поскольку бельгийская армия находилась в распоряжении до 17 августа, она стояла “от фронта до фланга”, и если бы она сражалась в такой ситуации, то, должно быть, из-за своей меньшей численности была бы окружена или вынуждена отступить к Брюсселю или за его пределы, так что ее коммуникации с Антверпеном были бы перерезаны. Следовательно, она, какова бы ни была храбрость ее офицеров и солдат, была вынуждена через несколько дней либо сложить оружие, либо быть уничтоженной.

Возможно, немцы думали, что он намеревался оставаться на месте с целью прикрытия Брюсселя, и что на его передвижения повлияли скорее сентиментальные, чем военные соображения. На самом деле эта кажущаяся некомпетентность была уловкой, призванной побудить немцев бросить свои основные силы вперед в направлении Брюсселя, а не в направлении Антверпена. Последнее место, если бы ими умело командовали, стало бы их первой целью. Захват Антверпена решил бы дело. Однако они слепо попались в расставленную для них ловушку и побрели по направлению к Брюсселю только для того, чтобы слишком поздно обнаружить, что тень осталась с ними, но утратила материальность.

В любом случае, для бельгийцев, за исключением положения полной безопасности, предложить бой армии, более чем в шесть раз превосходящей их по численности, с сокрушительным превосходством примерно в 2000 орудий, было бы просто бессмысленной тратой жизней храбрецов. Определенно, король Бельгии был не тем человеком, который мог “сыграть на руку немцам”.

ГЛАВА VI

НЕМЦЫ В БРЮССЕЛЕ

С 17 по 21 августа в Брюсселе были дни напряженного ожидания. Доктор Э. Дж. Диллон нарисовал их трезвыми, но захватывающими и верными. Естественно, после отстранения правительства возникло ощущение, что город оказался накануне серьезных событий. Среди общественного беспокойства бургомистр г-н Адольф Макс продемонстрировал свидетельства того гражданского духа и непоколебимой твердости, достойные величайших лет давней борьбы за свободу, которые позже сделали его героем для его сограждан.

Эмоции менялись от часа к часу, но когда Гражданская гвардия отправилась на фронт среди демонстраций патриотического рвения, все были убеждены, что бельгийские войска смогут успешно сдерживать натиск врага, во всяком случае, до прибытия помощи. Поперек улиц были возведены баррикады и возведены линии траншей. Брюссель смирился с перспективой осады.

Толпы, обсуждавшие эти события, мало что знали об их истинной цели. В современных условиях войны Брюссель совершенно невозможно оборонять. Он расположен по большей части в ложине, окруженной холмами, с которых дальнобойные орудия могли бы уничтожить его без возможности эффективного ответа.

Целью очевидных приготовлений к осаде было ввести в заблуждение не граждан Брюсселя, а врага, поправившего права нации. Правительство и власти в Брюсселе были хорошо осведомлены о рое вражеских шпионов среди них. Они не были в неведении, что каждое их движение немедленно предавалось огласке. Беспроводная установка, обнаруженная в здании, которое недавно занимало министерство Германии, была раскопана и демонтирована, но, несомненно, все еще оставались открытыми секретные каналы связи. Справедливо придя к выводу, что немецкие планы будут скорректированы с учетом этой информации, они ответили хитростью на хитрость. Врага следовало подвести к пустому и просто театральному триумфу.

Конечно, обычный гражданин, не скрывавший этого, принял приготовления к осаде за чистую монету. О наступлении немцев свидетельствовали, помимо донесений и слухов, толпы бездомных беглецов, которые, подобно мусору, гонимому бурей, вваливались в город со стертыми ногами, усталые и несчастные, со своими немногочисленными пожитками, наспех собранными вместе, взваленными на спины или наваленными на легкие тележки, запряженные собаками. Сначала группами, поток увеличивался, пока эти жалкие процессии не заполнили все восточные и юго-восточные дороги; и вскоре железнодорожные станции были переполнены людьми, которые боролись за поезда до побережья.

Затем прибыли машины скорой помощи и поезда с ранеными. В ночь на четверг, 20 августа, Брюссель не ложился спать. Рано утром поступили известия о том, что немцы близко подошли к городу. Со своих постов в лесу Суаньи в город вошла гражданская гвардия. Стало известно, что им приказано прибыть в Гент и что столица должна быть сдана без единого выстрела.

Широкая общественность была ошеломлена, и ее изумление, без сомнения, разделяли не только в Бельгии, но и за рубежом. Ничуть не испуганные таким поворотом событий, 20 000 человек Гражданской гвардии прошли по улицам *по пути* в Гент, громовым хором распевая "Марсельезу". Тем временем ответственные за это лица мудро держали язык за зубами.

Заявление о том, что военная эвакуация была мерой, необходимой для благополучия самого Брюсселя и страны в целом, было правдой, хотя о причинах этого разумно умолчали.

Общественность, конечно, не осознавала военной ситуации. Все, что они на данный момент осознавали, - это опасность оккупации войсками, зверства которых были отмечены следом сожженных деревень и убитых крестьян. Толпы беглецов из страны в Брюссель быстро пополнялись еще большими толпами из города. Дороги в Гент были забиты беженцами. Пешком и на всевозможных транспортных средствах они бежали от надвигающегося Ужаса, темноту разгоняли только далекие отблески, говорившие о горящих деревнях, и страх, обостряемый угрюмым грохотом далеких орудий.

Тем временем в Брюсселе попытки большого числа иногородних покинуть страну, пока путь еще открыт, приняли характер паники. Первой заботой властей при необходимости было вывезти раненых, которые были размещены не только в больницах, но и в крупных магазинах, превращенных на время в госпитали. Это, конечно, облагало налогом железнодорожные жилые помещения. Также было необходимо, чтобы ни один подвижной состав не попал в руки захватчиков. Поэтому количество доступных поездов было ограничено. Потенциальные пассажиры с криками и проклятиями пробивались в купе, пока они не были забиты людьми, пребывающими в состоянии возбуждения или страха. Каждый поезд, даже последний, оставлял позади сотни охваченных ужасом людей.

Однако было бы неверно предполагать, что эти беженцы олицетворяли дух или чувства населения Брюсселя в целом. Первый шок прошел, население ожидало развития событий без каких-либо заметных признаков тревоги.

Немецкая кавалерия достигла Теуверена, пригорода Брюсселя, около шести часов утра. Городские власти поспешно убрали уличные баррикады. Они отслужили свою очередь и больше не были нужны.

Официальное вступление захватчиков состоялось в два часа дня. Грохот и бряцанье тяжелых драгун по пустынным пригородным улицам, где дома были плотно закрыты ставнями, возвещали о том, что Брюссель находится во власти пруссаков. Драгуны шли во главе колонны пехоты. Эти бесстрашные воины ждали почти восемь часов, чтобы убедиться, что “презренные” бельгийские военные действительно отступили.

Очень скоро стало очевидно, что запись была тщательно подготовлена, чтобы сделать ее как можно более “впечатляющей”. Около 50 000 самых умных и свежих солдат прошли парадом по городу. Эта демонстрация, занявшая несколько часов, должна была убедить брюссельцев в полной бесполезности бельгийского сопротивления. У многих жителей любопытство взяло верх над отвращением, и они толпами стояли на бульварах, пока шло представление. Видя эту бесстрастную, но упорядоченную толпу и, несомненно, убежденные в том, что завоевание Бельгии уже принесло первые плоды войны, войска, получив разрешение, начали “Немецкую сверхъестественную войну”. В ходе боевых действий в первые дни кампании немецкие войска, несмотря на разграбление захваченной ими территории, находились в полуголодном состоянии, и лошади их кавалерии, в частности, погибали от голода и усталости. Многие заключенные были подобраны в состоянии крайнего изнеможения. Они вполне могли быть убиты разъяренными крестьянами, но сомнительно, что существует хотя бы один четко доказанный случай убийства немца при таких обстоятельствах.

Однако на выставленных напоказ войсках было мало следов боевых действий, что служило зрителям доказательством того, что бельгийские операции были лишь на бумаге! Зафиксирован инцидент с несколькими офицерами, которые ехали в автомобиле. Группа, по-видимому, входившая в состав штаба дивизии, потребовала газету и, прочитав новость, разразилась показным смехом. В определенных точках войска по свистку выстраивались в парадный или “гусиный” шаг. Безусловно, на брюссельцев это должно произвести впечатление. Какое сопротивление могло помочь против такой мгновенной дисциплины?

По правде говоря, дисциплина была скорее на стороне зрителей, чем исполнителей. Прокламация М. Макса предписывала скрупулезно избегать актов оскорбления или насилия. Судебный запрет был беспрекословно выполнен. Хотя, как и в каждом крупном городе, в Брюсселе были свои безответственные элементы, влияние и авторитет бургомистра и уважение, которым он пользовался по праву, были таковы, что его требование было воспринято каждым жителем как личный долг. Немцы воображали, что этот замечательный эффект вызван демонстрацией ими механической и материальной мощи. Напротив, это было чудо моральной силы.

Оккупация, или, точнее, захват, города осуществлялся методично и явно был, как и все остальные немецкие мероприятия, давно исчерпан. Отряды войск овладели почтовыми и телефонными конторами, железнодорожными станциями, общественными зданиями и казармами. Во Дворце правосудия были взломаны двери, и здание превратилось в военную казарму. Брюссель был отрезан от связи с внешним миром, за исключением Германии. Вдоль дорог, ведущих от него, была выставлена охрана, и ни одному человеку не разрешалось проезжать без военного разрешения. На большом открытом пространстве перед Дворцом правосудия были расставлены тяжелые орудия так, чтобы они могли контролировать большую часть нижнего города. Отсюда, как известно каждому, кто знаком с Брюсселем, виден город, представляющий собой картину многогранной красоты крыш, улиц и башен, простирающийся вдаль через широкую долину Сены.

Одной из первых мер, предпринятых немецким комендантом генералом фон Арнимом, было вызвать бургомистра и членов гражданского совета и сообщить им, что они должны считать себя заложниками хорошего поведения граждан. Длинный список самых богатых граждан оказался во владении захватчиков, и напротив каждого имени была указана приблизительная сумма состояния человека. Таков был один из результатов шпионской системы. Напротив каждого имени также была указана сумма, которую предлагалось взыскать.

Бургомистру сказали, что город должен выплатить военный “штраф” в размере 8 000 000 фунтов стерлингов, и что он должен позаботиться о том, чтобы эта сумма была выплачена незамедлительно и наличными. Ему также сказали, что он будет следить за тем, чтобы граждане Брюсселя относились к немецким солдатам с должным уважением. Городская полиция будет оставлена под его руководством, разумеется, при условии выполнения распоряжений новых властей.

М. Макс ответил, что о выплате 8 000 000 фунтов стерлингов в соответствии с требованием не может быть и речи. Вся наличность из банков была изъята. В любом случае, если налог был справедливо начислен, для его взимания должно было потребоваться время. Следовательно, в лучшем случае его можно было выплачивать только частями. Он добавил, что уже приняты меры по поддержанию общественного порядка и что оккупационные войска не подвергнутся

никакому насилию, если они, со своей стороны, будут вести себя должным образом по отношению к населению. Если он и городской совет должны нести ответственность, то должны уважаться гражданские права, личности и собственность граждан.

Ответ заключался в том, что все это, должно быть, зависит от суммы штрафа, которая каким-то образом будет найдена.

Пока шло это интервью в офисах, недавно эвакуированных правительством, где обосновались “завоеватели”, принимались меры к размещению нескольких тысяч офицеров, которые быстро захватили отели, где с высокомерным видом превосходства, отличающим прусскую военную касту, они продолжали угощаться бесплатно, добавляя к этим актам мелкого разбоя во многих случаях грубые оскорбления, если их требования не могли быть выполнены. Другие были расквартированы по частным семьям. Вечером первого дня оккупации они сидели у открытых окон или возле кафе на бульварах и, подкрепившись едой и спиртным, о которых и мечтать не мог их собственный изысканный комиссариат, предавались насмешливым замечаниям над манерами и обычаями граждан, которые в таких качествах, как достоинство, вежливость и сдержанность, подавали пример, который “культура” не позволила прусским захватчикам скопировать.

Что касается войск, не необходимых для несения гарнизонной службы, то они были переброшены в лагерь к северо-западу от города. Радости завоеваний были приберегаемы для офицеров. Солдатам было достаточно того, что они разделяли честь военной формы.

Два дня спустя прибыл из Берлина генерал фон дер Гольц, который, как было объявлено, назначен гражданским губернатором Бельгии. Этот почтенный пенсионер привез с собой инструкцию новых “штрафов”, включая скромную реквизицию 18 000 000 фунтов стерлингов из провинции Брабант.

Можно усомниться в том, что мир за пределами Германии не воспринял известие о налоге на Брюссель с еще большим смехом, чем негодованием. Абсурдный характер требования превосходил только его наглость. Но новый вице-король Бельгии, как и его работодатели, относился к себе серьезно. С подобающими церемониями обосновавшись в королевском дворце, он приступил к сложному делу превращения фантома в 10 фунтов стерлингов за голову для каждого мужчины, женщины и ребенка в прочные сухожилия войны.

Не было никаких признаков появления денег. Послали за бургомистром, и за его небрежность ему постелили ковер. С вежливым сарказмом он намекнул, что если новое “правительство” сможет найти лучший способ взыскания штрафа, то оно не нуждается в его помощи. Генерал фон дер Гольц согласился принять платежи в рассрочку. Были брошены намеки на то, что, если взносы не будут выплачены, Брюсселю будет хуже. “Правительство” не будет церемониться.

Тем не менее, выплаты так и не последовали. После огромных волнений и усилий все, что удалось извлечь, составило 800 000 фунтов стерлингов. Блестящая в теории политика, направленная на то, чтобы заставить Бельгию заплатить за собственное порабощение, на практике грозила превратиться в комедию.

Это был не единственный легкий штрих. Коллега фон дер Гольца, генерал фон Лютвиц, был назначен военным губернатором Бельгии. Он ознаменовал свое прибытие помпезным заявлением, в котором, в соответствии с порядком, установленным для 4000 или более

полицейских уставов Берлина, он запрещал гражданам делать множество вещей и строго предписывал им под страхом немедленного ареста и предания военному суду делать множество других.

Общественность отнеслась к прокламации с насмешкой. Поскольку это было одновременно вмешательством в права гражданского совета как полицейского органа и могло спровоцировать беспорядки своей вопиющей глупостью, бургомистр, в интересах общественного порядка и безопасности, издал контрпрокламацию, заверяющую граждан в усилиях по их защите и предписывающую вести себя мирно и сдержанно. Заявление бургомистра, которое не было представлено и принято в первой инстанции, было расценено как неповиновение. Немецких солдат разослали в качестве расклейщиков объявлений с листами чистой бумаги, чтобы прикрыть его. В течение следующей ночи было обнаружено, что чистый лист бумаги был смазан маслом и стал прозрачным. Это породило угрозу, что в случае повторения подобного трюка полиция будет распущена и заменена военными.

Столь же лишенным чувства меры было стремление к германизации прессы. Брюссельским газетам, находящимся под строгой цензурой, было запрещено публиковать какие-либо военные новости, за исключением предоставленных Берлином, и публиковать их на немецком языке. Отныне брюссельская общественность не должна была слышать ни о чем, кроме немецких побед. Газеты отказались подчиниться и были закрыты. Чтобы восполнить недостаток новостей, власти учредили официальный орган, печатающийся на ставшем официальным языке. Спроса не было, и только правительство и гарнизон наслаждались удовольствием, доставляемым его культурным и захватывающим содержанием. Брюссельская публика предпочитала оставаться в неофициальной темноте.

Знакомство с "завоевателями" быстро вызвало у населения города всеобщее презрение. Быстро выяснилось, что их политическая неспособность соответствовала только их предположениям. Несмотря на сложную импортированную правительственную машину, их авторитет оставался тeneвым. Пассивное сопротивление общественности было "правильным", но раздражающим. Когда процессии уличных мальчишек, каждый в старой шляпе с торчащим из тульи концом морковки, разыгрывали немецких солдат и комично имитировали гусиный шаг и слова команды — отвлекающий маневр, который генерал фон Люттвиц почему-то забыл занести в каталог как "verboden", - военное правительство Бельгии почувствовало, что скатывается в ложное положение.

Было решено, что душой оппозиции является бургомистр. В сложившейся ситуации неизбежно возникало много проблем, связанных с безработицей. Торговля в городе была в застое. М. Макс с помощью других равнодушных граждан энергично работал над организацией помощи. Брюссель был разделен примерно на двадцать районов, так что можно было решить самые насущные проблемы. Граждане поняли, что, следуя мудрым советам бургомистра, воздерживаясь от провокаций с их собственной стороны, игнорируя их со стороны своих угнетателей, они служат своей стране так же эффективно, как если бы находились на поле боя. Брюссель действительно стал полем битвы — моральным полем битвы, на котором враг был полностью разгромлен. На этом поле битвы в мрачные дни прошлого жители Брюсселя одержали знаменательную победу. Снова наступили темные дни, и они были объединены под руководством человека, поднявшегося в трудный час.

Какой бы демонстрацией власти ни занимались объединенные гражданское и военное правительства Бельгии, настоящим правителем был бургомистр, и гражданское и военное правительства знали это. Они терпели его отчасти потому, что это помогало общественному порядку, но в основном потому, что его считали незаменимым при взыскании ожидаемого военного штрафа. Последний поступал очень медленно. Реквизиции припасов для немецких войск были “оплачены” ваучерами, которые должны были быть выплачены из дани — по мере получения. Однако граждане проницательно подозревали, что, как и другие прусские обещания, они не имели большой ценности. Эта система грабежа по необходимости усугубляла бедствие, тем более что аналогичные захваты происходили и в небольших городах. С каждым днем в условиях все большей секретности со стороны населения сбор припасов становился все труднее. Генерал фон Люттвиц был в растерянности.

Были приняты смелые меры. Оккупационные войска демонстрировали признаки деморализации. В казармах вспыхнули ссоры между пруссаками и баварцами. Как единоверцы бельгийцев, последних подозревали в симпатиях к брюссельскому народу. Давняя ненависть баварцев к Пруссии и столь же давнее презрение пруссаков ко всем остальным немцам в целом и к баварцам в частности привели к свободным боям, в которых использовались штыки. Некоторые из участников боевых действий погибли. Военное правительство явно было занято по горло.

Оно пыталось продемонстрировать свою власть, настаивая на присутствии представителя на заседаниях городского совета. Было подозрение, что эти встречи на самом деле были заняты предложениями сорвать его и уклониться от уплаты штрафа. Неукротимый бургомистр заявил, что, если новое гражданское или новое военное правительство вмешается, больше собраний проводиться не будет. Гражданское и военное правительства были вынуждены уступить.

В качестве репрессии они настояли на том, чтобы 1 200 000 фунтов стерлингов, все еще причитающиеся из первых 2 000 000 фунтов стерлингов военного штрафа, были выплачены к определенному сроку. Бургомистр и городской совет ответили, что требование невыполнимое. Новые “власти” были категоричны. Городской совет встретил их категорическим отказом. Получив его, военный губернатор послал за бургомистром. Он не вернулся и фактически был арестован. Совет был проинформирован о том, что условием его освобождения была выплата 1 200 000 фунтов стерлингов.

Тотчас же на стенах и киосках публика прочитала за подписью военного губернатора следующее воззвание:

“За жителей Брюсселя!

“Имею честь сообщить, что я вынужден временно отстранить бургомистра Макса от должности в связи с его ненадлежащим поведением. Сейчас он находится под почетным стражей в крепости.

“Немецкое правительство распорядилось о выплате всех военных реквизиционных талонов в предположении, что город добровольно выплатит военную дань. Только при этом условии Брюсселю были предоставлены особые условия, тогда как в других городах реквизиционные талоны будут выплачены после заключения мира. Поскольку муниципалитет Брюсселя отказывается выплачивать оставшуюся часть дани, правительство Германии больше не будет выплачивать квитанции о реквизиции”.

Уловка, на которую полагались, чтобы убедить общественность в том, что реквизиции были куплены, а не украдены, дала сбой, и прокламация была не более чем признанием ее провала. Отныне грабеж должен быть грубым и бесстыдным. Столь же грубыми были угрозы возмутительного поведения, которым предавался компетентный фон Лютвиц. Вызвав к себе членов городского совета и потребовав от них избрать другого бургомистра, он обнаружил, что дух месье Адольфа Макса, древний дух Нидерландов, не должен быть уничтожен арестами. Члены городского совета решительно отказались подчиниться. Им пригрозили немецким бургомистром и немецкими военными патрулями вместо полиции и сказали, что в случае начала беспорядков Брюссель будет обстрелян и сожжен. Члены городского совета знали, что с этой целью легко могут быть спровоцированы беспорядки. Напряженность в связи с арестом бургомистра и без того была острой. В этих обстоятельствах месье Морис Лемонье вместе со своими коллегами взялся за поддержание общественного порядка, но распоряжение об избрании преемника месье Макса осталось невыполненным.

Таким образом, потенциальные завоеватели Европы перед лицом безоружных граждан предложили миру доказательство своей врожденной неспособности править и сами разоблачили безумие своих устремлений.

Впоследствии стало известно, что мсье Макс был заключен в крепость Везель в Германии.

ГЛАВА VII ПОСЛЕДНИЙ ВЗЛОМ

От Брюсселя по дороге до Монса менее 40 миль; от Льежа до Шарлеруа в долине реки Самбр немногим более 50. Теперь ясно, что в то время как одна часть великого воинства захватчиков направилась прямым путем из Льежа к Самбру, другая сделала крюк через Брюссель, чтобы встретиться с бельгийской армией. Цель состояла в том, чтобы нанести удар по трем большим международным дорогам, ведущим в Париж из Бельгии. Самый западный из этих великих маршрутов проходит из Брюсселя через Монс и Валансьен; следующий - через Шарлеруа и французскую пограничную крепость Мобеж; третий - по долине Мааса через Намюр, мимо Динана и далее к Лаону. Эти краткие факты о топографии страны помогут объяснить ход военных действий. Вкратце, если мы представим марш через Брюссель в виде лука, а марш прямо из Льежа - в виде его тетивы, мы получим приблизительное, но довольно точное представление о совершенном движении; имея в виду только, что даже части войска такого масштаба, хотя арьергард будет почти на два дня отставать от авангарда, будут одновременно двигаться по смежным дорогам, ведущим в одном направлении.

В любом случае, и совершенно независимо от любого противодействия со стороны бельгийцев, с учетом возникшей в результате этого задержки, объезд через Брюссель занял по меньшей мере еще два дня. Но бои с бельгийцами вызвали задержку еще на три дня. Из этих дней два, безусловно, были заняты сражением, а третий - отдыхом сражавшихся войск и погребением

погибших. Таким образом, только 23 августа, через пять дней после старта из Льежа, силы фактически сосредоточились на противоположном конце смычки в южной Бельгии.

Лишь небольшая часть из них, как мы видели, проходила через Брюссель. Основные силы, в том числе северная дивизия, прошли маршем через Тирлемонт и далее к Халу, обогнув столицу с юга. В то же время огромная колонна кавалерии, действуя как заслон, объехала город с севера, а затем ударила на юг через Энгийен.

Вся военная демонстрация в Брюсселе была лишь относительным дополнением к основному представлению, предназначенному как для морального эффекта, каким оно и было, так и для того, чтобы пустить пыль в глаза врагу.

Поэтому мы должны представить себе, что между 21 и 23 августа эти огромные и, судя по их размерам, неизбежно громоздкие силы сосредоточиваются к южной границе Бельгии всеми доступными дорогами.

Здесь необходимо сделать еще одно краткое замечание по географии. Восточная Бельгия, или та ее часть, что между Маасом и морем, почти вся идеально равнинная и почти исключительно сельскохозяйственная, и захватчики прошли там маршем по стране, которая до того, как они ее опустошили, была центром промышленности и мира, радующимся щедрости урожая.

Но западная Бельгия в значительной степени является производственной страной, хотя по-прежнему отличается богатой сельской красотой. Даже главное угольное месторождение Бельгии, простирающееся через провинции Эно и Западная Фландрия, внешне представляет собой лишь несколько свидетельств утилитарной убогости, обычно ассоциирующейся с углем и железом. Центром угольной и черной металлургии Западной Бельгии является Монс, причудливое старинное местечко, построенное на холме, возвышающемся посреди местности, густо пересеченной каналами и железными дорогами. Глядя на восток от Монса, мы видим долину реки Самбр, по обе стороны от которой низкие холмы, склоны и гребни которых частично покрыты лесами и плантациями. Эти холмы являются, так сказать, окраинами Арденн, одной из природных достопримечательностей Европы. В пятнадцати милях от Монса, на северном берегу реки Самбр, находится город Шарлеруа. Пятнадцатью милями дальше, на слиянии Самбры с Маасом, возвышается скалистый массив, образующий древнюю цитадель Намюра. Река Самбр неширокая, но быстрая, ее течение чередуется с порогами и глубокими заводами. В военном смысле она наиболее проходима примерно в десяти милях к западу от Намюра. Как раз там река делает несколько крутых изгибов.

Об огромной сухопутной армаде, которая сейчас движется на юг через эту оживленную и густонаселенную, но красивую страну, большинство людей думают как о современной европейской армии во всех смыслах этого слова. Но это было не так. С ним были хирурги, но не было полевых госпиталей. Он не был обременен палатками. Там было все мрачное оборудование современной войны, но лишь минимально возможное из гуманного оборудования современной войны. Это было намерение тех, кто мог рассчитывать на население страны, через которую проходило принимающее государство; пополнить запасы продовольствия за счет истощения ресурсов страны. Основная масса захватчиков спала там, где не было другого убежища, в полях. Эти лишения обострили жажду завоеваний. В тылу войска тащились батальоны могильщиков. Но они должны были копать могилы тем, кто осмелился бы противостоять ему. Сравнительная бедность и врожденная бережливость

пруссаков нашли отражение в этих приготовлениях. Все их силы были вложены в артиллерию и орудия смерти, потому что предводители войска были уверены в победе. Все, что еще им понадобится, когда наступит зима, будет получено из добычи побежденных. По внешнему виду это была современная армия, имевшая существенные общие черты с миграциями гуннов и готов, которые формируют в Европе историю раннего средневековья. Под современной маскировкой это была такая же орда. Поэтому легко оценить ярость и удивление, которые разрушенные надежды, уязвленная гордость и тяжелые потери вызвали в Бельгии, и почему за этим стояла земля траура и крови.

Теперь мы переходим к военным перемещениям. 5-я французская армия и две дивизии продвинулись вперед и заняли участок местности между Маасом и Самбре и удерживали переправы через обе реки; британская линия была занята за каналом, который проходит от Конде на западе Монса до Бинша на востоке. Монс находился несколько впереди позиции и, занятый британской 3-й дивизией под командованием генерала Гамильтона, образовывал внешний угол, или, выражаясь военными терминами, выступ.

5-я британская кавалерийская дивизия под командованием генерала сэра Филипа Четвода была выслана вперед на разведку. 22 августа часть войск продвинулась до леса Суаньи, недалеко от Брюсселя. Перед лицом кавалерии, прикрывавшей продвижение немцев, они отступили. Аналогичная разведка была произведена французской кавалерией вокруг Жамблу к северу от Намюра. Следовательно, во время немецкого наступления к югу от Брюсселя и к западу от Намюра враждебные силы находились в контакте друг с другом.

Интересный эпизод, характерный для тактики немецкой разведки, рассказывает мистер А. Бомон, специальный корреспондент "Дейли Телеграф", находившийся в то время в Шарлеруа:

По возвращении в Шарлеруа я узнал, что отряд из двадцати гусар "Мертвой головы" во главе с офицером вошел в верхний город в семь часов утра. Они направились к Самбре и тихо поздоровались с людьми, стоявшими у дверей. "Приятного просмотра, приятного просмотра", - говорили они домохозяйкам, которые с удивлением смотрели на них и которые, перепутав их форму цвета хаки, приняли их за английских солдат.

Люди даже с энтузиазмом приветствовали Англию. Солдаты, также введенные в заблуждение, позволили им пройти. Офицер, наконец, увидел их из окна, бросился к караульному отряду на улице Пон-Неф и поднял тревогу. Несколько пехотинцев сразу же открыли по ним огонь. Это было на углу улицы Монтиньи, где проходят трамвайные и железнодорожные пути.

Трое нарушителей были сбиты. Остальные вместе со своим офицером обратились в бегство. Никто не верил, что такое возможно, но это доказало, что немцы способны на все. Они делали то же самое много раз в 1870 году.

Помимо кавалерийских стычек, боевые действия начались 22 августа, когда немцы атаковали переправы через Самбру примерно в 10 милях к западу от Намюра, о которых уже упоминалось. Здесь можно сослаться на уловку с их стороны, которая объясняет особенность их передвижения по Бельгии. Южный контингент был поспешно введен в действие, очевидно, для того, чтобы заставить союзников поверить, что он составляет основную часть немецких войск. После того, как союзники определились со своей диспозицией для сопротивления на этой

основе, неожиданно должен был появиться северный контингент, который завершит сражение и выиграет его перевесом своих сил.

Пока продолжались бои за переправы через Самбру, другая часть южного контингента, сформированная, по-видимому, армией генерала фон Бюлова, двинулась на Шарлеруа, и еще одна часть, армейский корпус и кавалерийская дивизия, появились перед Монсом.

Однако начавшееся наступление на Монс было тем, что в просторечии называется “прикрытием”, предназначенным для прикрытия продвижения за ним северного контингента, армии генерала фон Клюка, состоящей из отборных частей прусских войск.

Ибо теперь известно, что этот командир выступил на юг из Брюсселя, имея в кармане армейский приказ, изданный германским императором из штаба в Экс-ла-Шапель, датированный 19 августа, в котором содержался следующий отрывок:

Мой королевский и императорский приказ гласит, что в настоящее время вы концентрируете свою энергию на одной цели, а именно: направьте все свое умение и всю доблесть моих солдат на то, чтобы сначала уничтожить вероломных англичан и разгромить презренную армию генерала Френча.

Итак, о том, что произошло по прибытии этих войск в то воскресенье, 23 августа, вкратце рассказывается так. В то время как британские войска, удерживающие Монс, сопротивлялись первой атаке на это место, атаке, которую они с готовностью отбили, натиск внезапно приобрел большую силу и ярость. Перед лицом этого возникла необходимость отвести войска, образующие британский выступ, в линию с остальной армией.

Это, перед лицом такого численного превосходства, было самой сложной и опасной операцией. Однако она была проведена с замечательным хладнокровием и отвагой. Хотя британцы понесли тяжелые потери, брошенные против них массы не смогли сломить их строй.

Вслед за этим атака развернулась по всей британской линии. В течение всего того дня и до поздней ночи немецкие офицеры и солдаты делали все возможное, чтобы добросовестно выполнять королевские и имперские приказы, и не будет преувеличением сказать, что немецкое высокомерие встретило самый острый шок, который оно когда-либо испытывало. Перед британскими позициями горами лежали немецкие убитые, и, по своему обыкновению, они по большей части оставили своих раненых умирать. Безошибочная меткость британской пехоты была столь же неожиданной, сколь и смертоносной; непоколебимые ужасающим артиллерийским огнем, британские войска встретили атаки, обрушенные на них массовым порядком, сокрушительным градом свинца. Там, где с интенсивностью презрения и ненависти натиску удалось на мгновение приблизиться, британцы ворвались в него со штыком, и “доблесть моих солдат” поникла под натиском резни. Снова и снова немецкие рядовые вели или гнали своих офицеров на британские позиции, снова и снова впадая в кровавую неразбериху. Они столкнулись с непобедимым.

Пока происходили эти события, было получено известие о грозном повороте немцев в направлении Турне, удерживаемом частями французских войск второй линии. Это делало целесообразным отход британцев в тыл. В равной степени благодаря твердости, подобной скале, в сочетании с врожденным упорством пехоты, мощной поражающей силой артиллерии и, не в последнюю очередь, бесстрашной преданности кавалерии, которая столкнулась лицом к

лицу с превосходящими силами немецкой кавалерии и сломила их, наступление было успешно завершено.

Цель здесь не в том, чтобы рассказывать историю отступления британцев из Монса. Об этом ратном подвиге рассказывается в другом томе этой серии. Все, что входит в рамки настоящего обзора, - это беглый взгляд на другие события этих насыщенных событиями дней на этой линии фронта.

Хотя в борьбе за переправы через Самбру немцам в ночь на 22 августа удалось перебросить войска через реку, они долго и жестоко наказывались французской артиллерией, которая теперь, впервые, ясно продемонстрировала превосходство, которому суждено было иметь столь заметный эффект во время войны. Французская полевая пушка была новым типом оружия, превосходившим немецкое по скорости и точности стрельбы. Его более совершенные нарезки обеспечивали более высокую начальную скорость выстрела и более пологую траекторию; использованные мелинитовые снаряды обладали большой взрывной силой, и французские артиллеристы умело обращались со своим оружием. Большая часть немецкой артиллерии состояла из орудий, как оказалось, относительно устаревшего типа, сохранных и "переделанных", по-видимому, из соображений экономии.

Переправа через реку перед лицом врага, получившего такую поддержку, - дорогостоящее дело, как вскоре обнаружили немцы. С их большим численным преимуществом и по крайней мере четырьмя точками одновременной атаки в их пользу, они должны были переправиться за очень короткое время. Их держали в страхе в течение многих часов, и французские атаки неоднократно отбрасывали их назад. Только наконец под покровом темноты они смогли закрепиться на южном берегу.

Тем временем наступление велось на Шарлеруа, и здесь находился центральный и решающий пункт. Французы удерживали это место от повторных атак, пока против него не были выдвинуты полки прусской гвардии, всегда находившиеся в резерве для критических операций и считавшиеся непобедимыми. В составе гвардии 20 полков, каждый численностью 3000 человек. Французы были изгнаны. В свою очередь, они бросили против города пехоту своего Африканского армейского корпуса, не менее знаменитых зуавов и тюрокосов; и в тот воскресный день они стали свидетелями одной из самых ужасных штыковых схваток в истории Европы, битвы, в результате которой маленький бельгийский городок и его окрестности превратились в ад. Под канонаду, слишком ужасающую для описания, люди сражались на его улицах, пока дороги не оказались завалены умирающими. Шарлеруа был подожжен снарядами, но бой, не знавший перемирия, продолжался среди пылающих зданий и рушащихся стен. Это была битва людей, превратившихся в дьяволов.

Город был взят и отвоеван. В конце концов он остался в руках захватчиков, но тысячи лучших бойцов их армии лежали среди его руин и вокруг них.

Битва при Монсе и Шарлеруа была Пирровой победой. Однако в тот день захватчики одержали решающую победу. Они захватили крепость Намюр.

После героической обороны Льежа быстрое падение Намюра стало одним из сюрпризов кампании. Крепость удерживалась бельгийским гарнизоном численностью около 26 000 человек, хорошо снабженным провизией. Хотя, насколько позволяет естественная ситуация, это было сильное место, окруженное кольцом из четырех больших и пяти меньших фортов, в

которых орудия были защищены бронированными башнями типа, аналогичного тем, что были в Льеже, у него было несколько серьезных слабых мест.

Как можно более скрытно и в ночное время немцы перевезли из Льежа батареи своих огромных гаубиц и установили их на уже подготовленных бетонных площадках на позициях за пределами досягаемости крепостной артиллерии. Было решено обновить вооружение фортов, и орудия были заказаны, согласно сообщению, хотя на это нет соответствующих полномочий, из Германии. Во всяком случае, более новых и тяжелых боеприпасов там не было. Здесь можно объяснить, что атака на вражескую крепость редко или никогда не предпринимается без того, чтобы генерал, командующий атакой, и его главные офицеры не были ознакомлены с планами укреплений. Эти планы, являющиеся результатом шпионажа, показывают каждую деталь и позволяют выявить каждую частность; раскрывают каждую траншею, заграждение и препятствие, каждое здание, узел беспроводной связи или линию телеграфного и телефонного провода. Указана точная дальность и мощность каждого орудия. Между полем огня орудий есть промежутки, технически известные как “мертвые точки”, оставленные незакрытыми, или, во всяком случае, после раскрытия фактов такие расположения для атаки, которые создадут “мертвые точки”, легко создаются путем направления огня фортов в определенных направлениях.

Теперь оборона Льежа была успешной, потому что окопы и заграждения на участках между фортами были сооружены тогда, когда их детали не могли быть раскрыты противнику. Но Намюр был подготовлен примерно в то же время, и у нас было достаточно возможностей выяснить подробности.

Поэтому все, что немцам оставалось сделать, - это дожидаться первого осеннего тумана среди холмов, чтобы открыть огонь из орудий, расположение которых обороняющимся было неизвестно. До начала атаки “установка” таких орудий для поражения любого желаемого объекта в крепости была, при имеющихся у них планах, простым вопросом математического расчета. Под прикрытием такого тумана, когда форты были неспособны ответить, разбить некоторые из них на куски сильно сконцентрированным огнем, а затем преследовать это место было сравнительно легко. Гарнизон знал, что крепость неприступна или ее можно удержать, только встретив атаку контратакой. После ужасающей двухдневной бомбардировки, в ходе которой были разрушены два форта, штурм был начат днем 23 августа. Гарнизон после непродолжительного сопротивления с большими силами был изгнан. Туман, который благоприятствовал атаке, в равной степени способствовал их бегству. К счастью, они проникли во французские порядки. [C](#)

ГЛАВА VIII

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЛУВЕНЕ

20 августа, за день до официального вступления немецких войск в Брюссель, бельгийцы эвакуировали Малинс. Было сочтено благоразумным, как оно и было на самом деле, отвести

войска на линию внешних фортов Антверпена. Некоторые из самых ожесточенных боев 19 и 20 августа произошли в 16 милях к юго-востоку от Антверпена в Эршоте. Там немцы предприняли решительную, но безуспешную попытку переправиться через Дайл.

После оккупации Брюсселя они превратили Малинс в штаб войск, армейского корпуса численностью около 60 000 человек, которому было приказано “замаскировать” Антверпен, удерживая бельгийскую армию, по возможности, взаперти в крепости. Малинс находится ровно на полпути между Антверпеном и Брюсселем, примерно в 12 милях от обоих городов. Однако он находится не более чем в полумиле от внешнего кольца антверпенских укреплений. Ценность такой сторожевой башни для немцев очевидна. Ни одно движение бельгийцев из Антверпена не могло быть предпринято без ведома захватчиков.

Однако не успел начаться марш главных сил Германии на юг от Брюсселя, как бельгийцы совершили вылазку. Они были хорошо информированы о передвижениях противника и полностью отдавали себе отчет в том, что, действуя совместно с контингентом, двигавшимся из Льежа прямо к Самбре, этот контингент, двигавшийся через Брюссель, ни в коем случае не мог повернуть назад.

Эта вылазка, совершенная так быстро — она состоялась 23 августа — застала немецкие войска в Малине врасплох. Они только начали устраиваться поудобнее после утомления, когда бельгийская армия ворвалась к ним. Никакое эффективное сопротивление было невозможно. Захватчики были отброшены сокрушительным бегством до Вильворда, северного пригорода Брюсселя. Туда была стянута большая часть из 10 000 немецких солдат, составлявших гарнизон Брюсселя, для прикрытия отступления. Малины остались в руках бельгийцев.

Осознав после этого поражения, что перед ними стоит трудная задача, немцы поспешили ввести дополнительные войска в страну. Тем временем бельгийцы снова захватили Эршот, Термонде и Аlost. Немецкие войска, угрожавшие Генту, пришлось вывести, и захватчики оказались под угрозой оказаться запертыми в столице.

Эта ситуация проливает свет на зверства, которые почти сразу последовали, и на вопрос о том, были ли эти зверства случайными проявлениями поспешной недисциплинированности или же на самом деле это были военные меры, проведенные в соответствии с заранее разработанным планом.

Взглянув на карту Бельгии, вы увидите, что города Жодуань, Лувен, Малин, Термондэ и Аlost образуют вокруг Брюсселя дугу, а не полукруг. Средняя точка этой дуги - ближайшая к Антверпену точка, то есть Малин.

Теперь эти города, а также Эршот были разрушены, за исключением Малинса и Аlostа. Хотя Малинс трижды подвергался жестоким бомбардировкам со стороны немцев и в последующих боях столько же раз переходил из рук в руки, он был, хотя и прискорбно поврежден, но не уничтожен. Как и Аlost. Почему? Потому что Малинс был нужен как *точка опоры* против Антверпена, а Аlost - как промежуточная позиция на пути к Генту. Аlost также был ареной повторяющихся схваток. Не подлежит сомнению, что это разрушение одних мест, а не других, могло быть случайным.

При дальнейшем рассмотрении военной ситуации вопрос не вызывает никаких сомнений. Укрепившаяся в Антверпене пока еще непобежденная основная армия Бельгии оставалась

серьезной угрозой. На самом деле немцы как в Берлине, так и в Брюсселе хорошо понимали, что до тех пор, пока сохранялось такое положение вещей, их власть в стране была не только ненадежной, но, в случае обратного хода событий во Франции, до последней степени опасной. Ибо, овладев Антверпеном и приморскими провинциями, бельгийцы могли бы совместно с союзниками сразу закрыть единственную дверь для отступления и захватить Экс-ла-Шапель, которая, по сути, является главной дверью в Германию.

Таким образом, с точки зрения захватчиков, было важно как ограничить операции бельгийских войск, так и укрепить их собственный контроль над Брюсселем. И это объясняет, почему угрозы обстрелять и сжечь Брюссель были всего лишь угрозами. В городе с населением 800 000 человек, многие из которых, несомненно, тайно владели оружием, восстание части населения, когда местная армия численностью почти в 100 000 человек находилась всего в нескольких милях отсюда, означало риск того, что гарнизону Брюсселя и даже оккупационным войскам в целом придется защищаться от истребления, поскольку ненависть, которую они внушали, была невыразимой.

План был разработан, и он был приведен в исполнение безжалостно. Благодаря его древней известности и всемирному интересу к его зданиям и памятникам, разрушение Лувена больше всего потрясло цивилизованные народы. Эта потеря - это потеря для всего мира, но что касается ее крайней бесчеловечности, то разрушение других городов, не говоря уже об окружающих их деревнях, было столь же безжалостным и жестоким. В этих убийствах немецкие солдаты не щадили ни возраста, ни пола и обрушивали на самых беспомощных свои самые неопишуемые и унижительные зверства. Было сказано, что на каждого бельгийского солдата, убитого в бою, приходится трое безоружных мужчин, женщин или детей.

В опустошенных районах тела убитых крестьян лежали непогребенными в придорожных канавах. Трупы детей, окоченевших при смерти, в последней позе ужаса прижимались к трупам своих изувеченных матерей. Другие лежали среди руин своих домов без крыш. Были случаи, когда женщин раздевали догола, возмущенные жестоким обращением солдат, вешали на ветвях деревьев и выпотрошивали животы в насмешку над их последней агонией. Те, кто мог, убежали в леса, где прятались без еды и крова. Многие умерли от голода и переохлаждения. Чтобы лишить этих беглецов последнего шанса на жизнь и избежать необходимости отслеживать их, трупы убитых людей бросали в колодцы, чтобы отравить воду.^D

Как и следовало ожидать, войска, способные на такие чудовищные поступки, как комбатанты не представляли особой ценности. Хорошо дисциплинированных солдат нельзя было довести до таких крайностей. Хотя их большая численность, когда они были усилены, позволяла захватчикам продвигаться вперед против местных войск, все же в каждом столкновении между сколько-нибудь равными силами они всегда терпели решительное поражение и без исключения несли потери, несоизмеримые с теми, которые они были в состоянии нанести.

Именно после столкновения, приведшего к таким результатам, 25 августа группа этих деморализованных головорезов сожгла Лувен. Они совершили вылазку из этого места с целью изгнать бельгийцев из Эршота и за реку Дайл. Они были отброшены и отброшены назад почти до окраин Лувена, выдерживая по пути, как обычно, яростный огонь с обоих флангов. Было высказано предположение, что командующий офицер,^E компетентность которого в достаточной степени оценивается этим приключением, отдал приказ разграбить и разрушить город, чтобы скрыть недисциплинированность своих войск. С указанным мотивом нелегко

согласиться. Согласно заявлению, ответственность за которое взяло на себя правительство Бельгии — заявлению, основанному на доказательствах, расследование которых не оставило сомнений:—

Вооруженная немецкая охрана на въезде в город неправильно поняла природу этого вторжения и открыла огонь по своим обращенным в бегство соотечественникам, приняв их за бельгийцев. Несмотря на все отрицания властей, немцы, чтобы скрыть свою ошибку, сделали вид, что в них стреляли местные жители, тогда как все жители, включая полицию, были разоружены более недели назад.

Не задавая вопросов и не слушая никаких протестов, немецкий командующий объявил, что город будет немедленно разрушен. Жителям было приказано покинуть свои жилища; часть мужчин была взята в плен; женщин и детей посадили в поезда, назначение которых неизвестно.

Солдаты, снаряженные бомбами, подожгли все районы города. Великолепная церковь Сен-Пьер, здания университета, библиотека и научные учреждения были охвачены пламенем. Несколько знатных горожан были расстреляны.

Город с населением 45 000 человек, интеллектуальная столица Нидерландов с пятнадцатого века, сейчас представляет собой не более чем груды пепла.

Таково краткое официальное заявление. Однако оно было лишь самым бледным отражением фактов. Насколько скрупулезно бельгийское правительство было сдержанно в формулировании этого заявления, видно из рассказов очевидцев трагедии.

Один из них, голландец, который спасся благодаря документам, подтверждающим его гражданство, и впоследствии добрался до Бреды, рассказал о своем опыте:

Во вторник, 25-го, многие войска покинули город. В нашем доме было несколько солдат. В шесть часов, когда все было готово к обеду, прозвучали сигналы тревоги, и солдаты бросились по улицам, в воздухе засвистели выстрелы, со всех сторон раздались крики и стоны; но мы не осмелились выйти из нашего дома и укрылись в подвале, где просидели долгие и страшные часы. Наше убежище освещалось отблесками от горящих домов. Стрельба продолжалась не переставая, и мы боялись, что в любой момент наш дом может сгореть у нас над головами. На рассвете я выполз из подвала к двери на улицу и не увидел ничего, кроме бушующего моря огня.

В девять часов стрельба стихла, и мы решили броситься на станцию. Бросив наш дом и все наши пожитки, кроме того, что мы могли унести, и прихватив все деньги, которые у нас были, мы бросились вон. То, что мы увидели по пути на станцию, трудно описать. Все горело, улицы были усеяны телами застреленных и наполовину обгоревших людей. Повсюду были расклеены прокламации, призывающие всех мужчин помочь в тушении пожара, а женщин и детей оставаться в домах. Вокзал был переполнен беглецами, и я как раз пытался показать офицеру свои документы, подтверждающие мою легитимность, когда солдаты разлучили меня с женой и детьми.

Все протесты были бесполезны, и многих из нас отвели в большой сарай на товарном дворе, откуда мы могли видеть, как сгорают дотла лучшие здания города, самые красивые исторические памятники.

Вскоре после этого немецкие солдаты согнали перед собой 300 мужчин и юношей на угол бульвара ван Тьенен и улицы Марии Терезии, напротив кафе "Вермален". Там они были расстреляны. Это зрелище наполнило нас ужасом. Бургомистр, два мировых судьи, ректор университета и все полицейские чины были уже застрелены.

Затем солдаты увели нас со связанными за спиной руками, так и не повидав наших жен и детей. Мы прошли по улице Жюст де Литш, по бульвару Диестер, пересекли Ваарт и поднялись на холм.

С горы Мон-Сезар нам открывался полный вид на горящий город, объятый пламенем Святого Петра, в то время как войска непрерывно посылали в несчастный город выстрел за выстрелом. Мы прошли через деревню Херент — единственную грудку развалин, — где к нам присоединился еще один отряд заключенных, включая полдюжины священников. Внезапно, около десяти часов, очевидно, в результате какой-то ложной тревоги, нам приказали опуститься на колени, и солдаты встали позади нас с винтовками наготове, используя нас как щит. Но, к счастью для нас, ничего не произошло.

После получасовой задержки наш марш был продолжен. Никаких разговоров не допускалось, и солдаты постоянно плохо обращались с нами. Один солдат изо всех сил ударил меня тяжелым прикладом своей винтовки. Я едва мог идти дальше, но мне пришлось. Мы задыхались от жажды, но немцы зря потратили свою питьевую воду, не предложив нам ни капли.

В семь часов мы прибыли в Камперхаут, направляясь в Малинс. Мы видели много полуобгоревших тел — мужчин, женщин и детей. Напуганные до смерти и полуголодные, мы были заперты в церкви, и позже к нам присоединился другой отряд заключенных из окрестных деревень.

В десять часов церковь была освещена горящими домами. В воздухе снова засвистели выстрелы, за которыми последовали крики и стоны.

В пять часов следующего утра солдаты вывели всех священников и расстреляли вместе с восемью бельгийскими солдатами, шестью велосипедистами и двумя егерями. Затем офицер сказал нам, что мы можем возвращаться в Лувен. Мы так и сделали, но только для того, чтобы быть схваченными другими солдатами, которые доставили нас обратно в Камперхаут. Оттуда мы двинулись в Малинс, но не по большой дороге, а вдоль реки. Некоторые из группы упали в воду, но все были спасены. После тридцати шести часов непрерывных волнений и опасностей мы прибыли в Малинс, где смогли купить немного еды, и оттуда я сбежал в Голландию. Я до сих пор не знаю, где мои жена и дети. [F](#)

Другим свидетелем был мистер Джеральд Морган, американский резидент в Брюсселе. Его рассказ, приведенный после его возможного прибытия в Англию через Лувен, был опубликован в Daily Telegraph 3 сентября. Он совершил экскурсию по маршевым позициям немцев, и обнаружил, что их раненые разбросаны по всем еще не разрушенным городам и деревням. В отсутствие каких-либо немецких полевых госпиталей этих людей оставили в любых доступных зданиях, чтобы они были вывезены, насколько это возможно, обратно в Германию в возвращающихся фургонах с припасами, автобусах или автомобилях. Подсчитать их количество было очень сложно. Мистер Морган продолжает говорить:—

После этого я вернулся в Брюссель, и мы, американцы, в Брюсселе решили, что пришло время выбить почву из-под наших ног. Мы обнаружили, что можем вернуться в Англию на

воинском поезде через Лувен, Льеж и Экс-ла-Шапель, а оттуда через голландскую границу. Возник вопрос о том, как долго поезд будет останавливаться в Лувене, но на следующее утро в немецком штабе на железнодорожной станции сказали: “Вы не будете останавливаться в Лувене, так как Лувен был разрушен”. Мы выехали в три часа, поезд останавливался с ужасными рывками каждые несколько минут, как будто немецкий солдат отдавал честь. Мы начали замечать признаки разрушения в отдаленных деревнях незадолго до того, как добрались до Лувена. Дома в деревнях были объаты пламенем.

За час до захода солнца мы вошли в Лувен и обнаружили, что город превратился в дымящуюся печь. Железнодорожная станция была переполнена войсками, пьяными от награбленного, а также от грабежа. От дома к дому, действуя по приказу, группы солдат носили зажженную солому, клали ее в подвал, а затем передавали следующему. Никто не думал о всеобщем пожаре, потому что каждый дом горел отдельно — сотни отдельных костров, — в то время как искры тысячами падающих звезд взметались в неподвижный ночной воздух. Это было в точности похоже на демонстрацию фейерверков или бенгальских огней и декораций на грандиозном показе на Кони-Айленде.

Тем временем через арку вокзала мы видели, как вершится немецкое правосудие. На площади снаружи, где стоят извозчики, стоял офицер, и солдаты гнали к нему жителей Лувена, как стадо неохотного скота в базарный день. Некоторых солдат после нескольких слов между офицером и конвоирами увели под примкнутыми штыками за железнодорожную станцию. Затем мы услышали залпы, и солдаты вернулись. Затем поезд тронулся, и последнее, что мы увидели от обреченного города, было огромное красное зарево в сгущающейся темноте. Мои впечатления после Лувена были такими же, как если бы я прочитал один из романов Золя и увидел во сне его.

Взвешивая эти доказательства, невозможно удержаться от вывода, что зверство в Лувене было спланировано и осуществлено преднамеренно и хладнокровно, и трудно избежать подозрения, что тривиальный конфликт между немецкой вооруженной охраной и их отступающими войсками, конфликт, который, по-видимому, никому не причинил вреда ни с одной из сторон, был заранее спланирован, чтобы обеспечить себе благовидный предлог. Утверждалось, что солдаты, составлявшие гвардию, были пьяны и что они только что вышли по сигналу тревоги после дебоша, последовавшего за разграблением пивоварни. В настоящее время нет доказательств того, что разграбление пивоварни имело какое-либо отношение к этому делу или что связь была чем-то большим, чем запоздалая мысль.

Вывод о наличии плана подкрепляется не только методом, с помощью которого, как показывает м-р Морган, были завершены разрушения и сопровождавшие их “военные казни”, но и провокацией, которая ранее была предложена жителям, но, как оказалось, без явно ожидаемого эффекта.

По последнему пункту заявление сбежавшего жителя Нидерландов, которое уже цитировалось, является косвенным, и поскольку это свидетель не из Бельгии, его отношение может быть принято как непредвзятое. Он говорит:—

Перед тем, как немцы вошли в город, Гражданская гвардия была разоружена, и все оружие, имевшееся у населения, должно было быть сдано. Даже игрушечные ружья и пистолетики, а также драгоценные коллекции старинного оружия, луки и стрелы и другое антикварное оружие, бесполезное для любого вида современной войны, пришлось сдать, и все эти

вещи, иногда представляющие большую личную ценность для владельца, с тех пор были уничтожены немцами. Стоимость одной-единственной частной коллекции была оценена примерно в 1000 фунтов стерлингов. С кафедр священники призывали людей сохранять спокойствие, поскольку это был единственный способ предотвратить причинение им вреда.

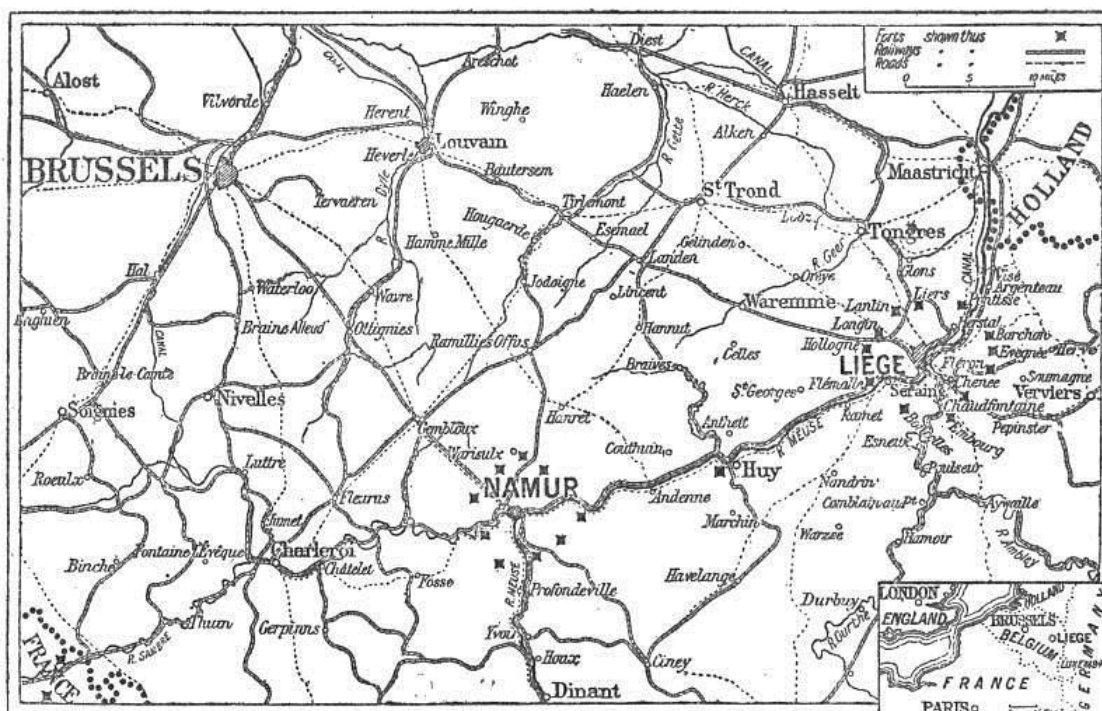
Через несколько дней после ввода немецких войск военные власти согласились прекратить расквартировывать своих людей в частных домах в обмен на выплату 100 000 франков (4000 фунтов стерлингов) в день. В некоторых домах было расквартировано от сорока до пятидесяти человек. После первой выплаты добровольного взноса солдаты разбивали лагерь под открытым небом или в общественных зданиях. Красивые комнаты в ратуше, где заключаются гражданские браки, использовались как конюшня для кавалерийских лошадей.

Сначала все, что покупали солдаты, оплачивалось наличными или векселями, но позже это было изменено. Солдаты подходили и просили сдачу, и когда им ее вручали, они протягивали взамен звонкой монеты листок бумаги — что-то вроде квитанции.

Все дома, брошенные их владельцами, были разграблены, несмотря на предупреждения военных властей, запрещавших войскам мародерствовать. Немцы взяли в плен в качестве военных заложников бургомистра, двух мировых судей и ряд влиятельных граждан.

В воскресенье, 23-го, я и еще несколько влиятельных людей в городе были подняты с постелей. Нам сообщили, что был отдан приказ о том, что 250 матрасов, 200 фунтов кофе, 250 буханок хлеба и 500 яиц должны быть доставлены на рынок в течение часа. Выйдя оттуда, мы увидели бургомистра, стоящего на рыночной площади, и толпы горожан, полуголых или в ночных одеждах, несущих на рынок все, что попадалось им под руку, чтобы с их бургомистром не случилось ничего дурного. После того, как это было сделано, немецкий офицер, командовавший отрядом, сказал нам, что его приказы были неправильно истолкованы и что ему нужны были только матрасы.

Из этого ясно, что горожане делали все возможное, чтобы не нанести оскорбление этим жестоким врагам. С другой стороны, столь же ясно, что немецкие военные “власти” отдавали приказы против мародерства со стороны войск, которые были приняты последними и, должно быть, были хорошо известны как лицемерные.

АВТОРСКОЕ ПРАВО, СПЕЦИАЛЬНО ПОДГОТОВЛЕНО ДЛЯ Daily Telegraph КОМПАНИЕЙ GEOGRAPHIA, LTD.

Доказательства реальной ответственности за это гнусное деяние неопровержимы. Солдаты Альвы в самых худших своих проявлениях никогда не творили ничего ужасного, столь трусливого. Они были воспламенены яростью религиозного рвения. Каким бы слепо ошибочным и политически губительным он ни оказался, это был мотив, достойный уважения со стороны тупой ненависти и подлого страха, порожденных пресмыкающимся и алчным материализмом этих “завоевателей”.

Разрушители спасли несравненную ратушу, потому что им было суждено сделать ее украшением германизированной Бельгии. Однако остальная часть города, и в особенности его старая часть, превратилась в почерневшие руины, из которых, как и из других горящих городов, поднималось огромное облако дыма. Несомненно, была надежда, что это зрелище, видимое из Антверпена, а также из Брюсселя, вселит ужас в людей. То, чего они не могли добиться оружием, немцы пытались добиться с помощью варварских приемов. Но этот способ “ведения войны” подстерегает Немезида. Ламартин рассказывает, что после покорения Сербии турки собрали в пирамиду черепа убитых. Этот жуткий памятник, расположенный в пустынной долине, на месте великой битвы, был задуман как вечное предупреждение. Для сербов это стало напоминанием о цене, которую их отцы были готовы заплатить за свободу: почитаемый национальный мемориал, поддерживающий дух, который в конце концов сокрушил их угнетателей.

Точно так же угнетатели Бельгии раздували огонь сопротивления. В библиотеке Лувенского университета они уничтожили древнегреческие, древнееврейские и восточные тексты и рукописи бесценной ценности; они не уничтожили доблести ни одного бельгийского сердца. Они превратили в пепел место, которое Липсиус справедливо назвал бельгийскими Афинами, и заслужили похвалу и восхищение философов от Эразма до сэра Уильяма Гамильтона; они лишь

приумножили славу города, где, в то время как Северная Европа все еще была погружена в интеллектуальную тьму, а “культура” еще не пролила свой свет на Германию и не способствовала созданию прусской армии, сообщество простых ткачей первым среди муниципалитетов Европы основало на свои кровные заработки центр философии, науки и искусства, а в его двадцати восьми колледжах - двадцать восемь школ искусств. , питомники многих известных людей, на протяжении веков лидировали в их выращивании. Его университетские здания и библиотека; его художественные сокровища; его Академия живописи; его музыкальная школа; его Музей национальной истории были преданы огню от рук солдафонского сброда, подстрекаемого еще более деградировавшими офицерами, но нанесенное клеймо было нанесено на их собственную страну, доброе имя которой они стерли с лица земли.

ГЛАВА IX ПОЛИТИКА НАСИЛИЯ

Отныне подробное отслеживание операций бельгийских вооруженных сил изо дня в день было бы менее информативным, чем подведение итогов их плана и его результатов.

На 25 августа ситуация была такова, что бельгийцы удерживали всю территорию к северу от Шельды и Дайла, а немцы - всю территорию к югу от этих рек. От Туркуэна на французской границе до Антверпена Шельда следует курсом, примерно параллельным побережью. У Антверпена ее русло описывает резкий изгиб в сторону моря. Примерно в десяти милях к югу от этого поворота главный водный путь впадает в Рупель, образованный слиянием рек Дайл и Нете к востоку от него. Взятые вместе, Шельда и Дайл, оба глубоких и полноводных ручья, обеспечивают естественную защиту прибрежных провинций.

Из-за этой естественной линии обороны бельгийцы, постоянно находясь на чеку, совершали вылазки при каждом удобном случае, чтобы преследовать врага и заманить его в ловушку. Вооруженные автомобили совершали внезапные налеты на его коммуникации; были совершены нападения на железнодорожные линии и мосты; его автоколонны подвергались неожиданным нападениям и перерезались превосходящими силами; одним словом, его постоянно держали в напряжении.

Военный эффект этого был более важным, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, немцам было необходимо не только держать наготове тяжелые силы в Бельгии, но и рассредоточить эти силы. Следовательно, хотя силы, взятые вместе, были велики, бельгийцы, сосредоточенные у Антверпена, были в состоянии нанести превосходящими силами удар по любому из этих корпусов и, таким образом, уничтожить их все в деталях.

Во-вторых, эта парфянская тактика превратила транспортировку боеприпасов и припасов для немецких армий во Франции по железной дороге через Брюссель в дело, требующее бдительности. Это значительно уменьшало ценность линии для противника. От этой линии снабжения в основном зависело правое крыло германии во Франции. Бельгийцы, таким

образом, не просто защищали свою страну, но косвенно помогали французским и британским операциям по ту сторону французской границы.

Слабость позиции бельгийцев заключалась в том, что, хотя они могли удерживать линию Дайла и линию Шельды до Термонда, их силы были слишком малы, чтобы преградить проход через Шельду дальше на запад. У немцев была возможность, захватив Гент, изменить оборонительную позицию таким образом, что это быстро стало бы опасным. Прекрасно понимая это, немцы двинулись на Гент. Однако по совпадению бельгийские операции дальше на восток стали более активными и угрожающими. Чтобы встретить их, немцам пришлось отвести большую часть войск, направленных в Гент. Как раз в этот момент (27 августа) в Остенде был высажен отряд британской морской пехоты. Противнику пришлось поспешно отступить из Гента. Британские войска продвинулись к Генту, и вся линия Шельды была обеспечена.

Ценность этого шага очевидна. Находясь за линией Шельды, войска союзников находились на расстоянии легкого удара от основных железных дорог к югу от Брюсселя. Позже, в критический момент для немецких армий во Франции, бельгийцы перерезали эти железные дороги. То, что эти линии не были перерезаны раньше, было частью стратегии союзников.

Какие в этих обстоятельствах были приняты меры захватчиками? Главной мерой было, насколько это было возможно, обезлюдить территорию между их линиями и бельгийскими укреплениями. Эта мера преследовала две цели: помешать бельгийцам получать информацию о передвижениях немцев, и особенно о передвижении подкреплений; и подорвать оборону, загнав в прибрежные районы толпы бездомных и голодающих беженцев.

Однако эта мера была проведена в таких масштабах, что можно предположить, что еще одной целью было подготовить путь для немецкой иммиграции в качестве поддержки предполагаемого завоевания. Экспроприация коренных землевладельцев на границе с прусской Польшей и предоставление их земель офицерам и унтер-офицерам резерва немецкой армии являются примером политики, сопровождающейся в прусской Польше запретом на родной язык в начальных школах.

К счастью, в европейской истории есть несколько эпизодов, равных депопуляции части долины Мааса, которая началась в это время. Города Динан и Арденны были полностью разрушены, их мужское население вырезано, а женщин и детей увезли вопреки всем правилам цивилизованной войны. Действительно, описывать это опустошение Бельгии как цивилизованную войну в любом смысле было бы пародией на этот термин. Его свирепость, возможно, была не чем-то большим, чем маскировкой, скрывающей продуманную цель.

В официальном заявлении, опубликованном из Берлина 27 августа, говорилось, что:—

Распространение оружия и боеприпасов среди гражданского населения Бельгии осуществлялось систематически, и власти настраивали общественность против Германии, усердно распространяя ложные сообщения.

У них сложилось впечатление, что с помощью французов они смогут изгнать немцев из Бельгии за два дня.

Единственным средством предотвращения внезапных нападений со стороны гражданского населения было вмешательство с неослабевающей жестокостью и создание примеров, которые по своей устрашающей силе стали бы предупреждением для всей страны.

По этому заявлению необходимо сделать одно или два замечания. Частью оборонительных сил Бельгии была ее гражданская гвардия общей численностью около 400 000 человек. Бельгийское правительство, далекое от того, чтобы вооружать гражданское население, призвало на помощь эти силы. Было решено, что при том положении, в котором находилась страна, наилучшим выходом было доверить ее оборону регулярным войскам и резервам и таким образом устранить все оправдания для военной строгости.

Отчеты, распространенные правительством Бельгии, как может убедиться любой, кто обратится к ним, были тщательно составлены и по существу соответствовали действительности.

Утверждение о том, что бельгийцы находились под впечатлением, изложенным в этой декларации, является смехотворным перед лицом ныне известных фактов о плане кампании союзников.

Еще более примечательным, однако, является спокойное допущение, что ни Бельгия, ни ее правительство не имели ни малейшего права на самооборону, и что любая попытка воспользоваться этим правом была, по сути, актом восстания против Германии. Фактически, предполагается, что Бельгия уже была частью Германии; и это несмотря на “торжественное заверение”, данное 9 августа.

Последней, но не менее важной, была попытка, предпринятая совсем недавно, предположить, несмотря на это заявление, что “неумолимая суровость” и “примеры устрашения” являются галлюцинациями бельгийского возбуждения.^Н

Эти вещи говорят сами за себя. Девять городов Бельгии — Лувен, Эршо, Тирлемон, Термондэ, Жодуань, Динан, Арденны, Визе, Шарлеруа и Монс — были превращены в руины. Другие, такие как Малинс, Диест и Алост, в значительной степени потерпели крушение. В Льеже целый квартал города был окружен, подожжен, а его перепуганные и безоружные жители, выбегавшие из горящих домов, массово расстреливались из пулеметов, пока улицы не залила кровь.^І Однако мир был торжественно заверен, что все это было не более чем дурным сном.

Эта политика грабежа не только не способствовала, как предполагалось, улучшению военного положения немецких войск, но и привела к саморазрушению. После поражения немецких войск на Марне правительство Берлина сделало второе предложение о размещении бельгийскому министерству. Ответом была вылазка в полном составе с бельгийских позиций, которая вынудила противника использовать против них три армейских корпуса резерва, которые они как раз в это время перебрасывали через северную Бельгию во Францию. Во Франции эти подкрепления были срочно необходимы. Очевидно, что это второе предложение о размещении имело своей главной целью лишь скорейшее прибытие этих войск. Их пришлось отозвать с французской границы и объединить с оккупационными силами в ожесточенном четырехдневном сражении.

Принимая новое предложение в соответствии с толкованием, на которое здесь ссылаются, бельгийское правительство хорошо понимало, что, помимо его бесполезности в качестве залога, немцы явно потерпели неудачу в достижении политической цели, которая с самого начала явно диктовала их отношение к населению. Захватчики полагались в качестве своего главного инструмента на террор. Инструмент сломался в их руках. Они также пока не добились ни одного реального военного успеха. Напротив, они потерпели либо тяжелые поражения, либо сражались с большими затратами, действия, не принесшие существенных плодов. Напрасно

половина страны была опустошена. Пока бельгийская армия с сильно укрепленной базой удерживала приморские провинции, положение захватчиков оставалось совершенно безопасным.

Чтобы понять истинное положение бельгийского сопротивления, желательно осознать характер обороны Антверпена. Когда пятьдесят лет назад после продолжительного обсуждения генералу Бриальмону было поручено модернизировать оборону Антверпена и Намюра, а также вновь укрепить Льеж, он использовал в случае с Антверпеном ресурсы, предоставляемые его положением морского порта. Старые валы были снесены и заменены на расстоянии, позволяющем естественным образом расширить город внутри них, новым внутренним кольцом массивных земляных валов между фортами, в форме, известной как притупленный редан. План, принятый Бриальмоном, основывался на системе, описанной военными инженерами как полигональная трасса, и его работа всегда рассматривалась как один из лучших примеров этой системы, которая считалась наиболее приспособленной для обеспечения дальнбойности и точности современной осадной артиллерии.

Но, несомненно, отличительной чертой были влажные рвы шириной 150 футов и глубиной воды около 20 футов, которые окружают не только внутренние укрепления, но и линию отдельно стоящих фортов, построенных в среднем в двух милях впереди этих сооружений. Бриальмон был первым военным инженером, воплотившим в жизнь эту идею, которой теперь следуют во всех современных фортификационных сооружениях. На каждом из его фортов, имевших фронт в 700 ярдов, было установлено по 15 гаубиц и 120 орудий. Таким образом, на 9 фортах, включая Мерксем, находилось 1080 единиц боеприпасов.

Однако со времен Бриальмона его внешние форты были соединены кольцом, которое теперь имело 15 миль или около того в длину, усиленное 18 редутами и вторым рвом с водой. В качестве третьей линии обороны в то же время были построены 25 больших фортов и 13 редутов, окружавших город площадью около 200 квадратных миль. Пространство между первой и второй линиями обороны образовывало укрепленный лагерь площадью примерно 17 000 акров.

Чтобы защитить судоходство по Шельде и не допустить лишения города снабжения, шесть из этих огромных внешних фортов были размещены на господствующих пунктах вдоль реки. Срезав дамбы на Рупеле и Шельде, можно было бы затопить районы, которые ограничили бы наступление на юге и юго-востоке и не только позволили бы обороняющейся армии сосредоточить свои силы в этом направлении, но и позволили бы ей за внешней третьей линией укреплений силой оспаривать переправу через Сеть.

Таким образом, на различных оборонительных сооружениях имелось около 4000 единиц боеприпасов, и, глядя на реки и мокрые рвы, которые предстояло преодолеть, было очевидно, что попытка взять крепость штурмом могла увенчаться успехом только после очень сильного обстрела, за которым последовала атака подавляющими силами.

Поскольку в Льеже, как доказано опознавательными знаками погибших немцев, попытка штурма этого места, что было гораздо более легким предприятием, стоила нападавшим 16 000 жизней, неудивительно, что они намеревались отложить атаку на Антверпен до тех пор, пока их предприятие против Франции не увенчается успехом.

Однако раздражение, которое они испытывали со стороны бельгийской армии, было настолько острым, и настолько очевидными были политические последствия ее продолжающейся

деятельности, что они решились на атаку явно недостаточными, хотя, тем не менее, крупными силами. Этим силам, более чем в два раза превосходившим по численности бельгийскую армию, удалось пробиться в обход к северу от крепости, где как внешняя, так и вторая линия обороны считались наиболее слабыми. Однако они не смогли учесть элемент защиты, обеспечиваемый дамбами. Их в форте Аудендик и в других местах вдоль Шельды бельгийцы быстро перерезали, хотя и не раньше, чем позволили осаждающим установить свои осадные орудия на позиции.

Результатом было то, что немцы оказались затопленными и потеряли значительную часть своей артиллерии. Люди, боровшиеся по грудь в воде или спасавшие свои орудия, были расстреляны с фортов. Некоторые забрались на деревья; немало утонуло. Они были вынуждены поспешно и катастрофически отступить, преследуемые вылазкой всей бельгийской армии.

Только после того, как стал очевиден провал их великой экспедиции во Францию и, как следствие, возможная потеря владения Бельгией, реальной и главной целью войны, они обратились, используя все доступные ресурсы, к взятию великой крепости. Очевидно, надежда на то, что они смогут, имея в своей власти Антверпен, противостоять попыткам изгнать их, вдохновила их на это предприятие. После обстрела из своих огромных 42-сантиметровых орудий, продолжавшегося около десяти дней, им удалось пробить брешь во внешнем кольце фортов, и в конце пятидневных тяжелых боев бельгийцы переправились через реку Нете. Однако эти успехи были куплены дорогой ценой.

ГЛАВА X АГОНИЯ АНТВЕРПЕНА

В этой драме скорби доблестной нации, зрелище, которое во всем мире должно вновь вызвать любовь к имени свободы в каждом героическом сердце, ни один поступок не привлекал так сильно, как доблестная защита Антверпена и ее зловещее завершение.

Некогда торговая столица мира, украшенная, по словам Мотли, “одними из самых великолепных зданий христианского мира”, Антверпен имеет честь, которую не могут омрачить никакие превратности судьбы, быть одним из первых центров общественного духа и свободы в Европе. Нелегко также смириться с мыслью, что такому городу суждено стать всего лишь воротами в неблагоприятную Пруссию.

При нынешнем положении дел в начале октября немцы стремились добиться какого-нибудь решающего успеха. До сих пор война не принесла ни одного результата. Они потерпели тяжелые неудачи. Они уже остро ощущали экономические последствия фактического перекрытия Рейна. Полагая, что после покорения Бельгии никакая комбинация Держав не сможет вырвать ее из их рук, и стремясь завершить это подчинение, пока еще есть время, они продолжали осаду со всей энергией, на которую были способны.

Эта спешка, как и в Льеже, оказалась напрасной. Одна только попытка штурма форта Вельхем стоила почти 8000 человек убитыми и ранеными. По мере снижения внешних укреплений угрожали медленно, 11 - и 12-дюймовые мортиры сначала приняла было подкреплена новыми 16-дюймовые минометы, метательные снаряды более чем 800 фунтов. в весе. Эти тяжелые машины, с огромным трудом доставленные во Францию, были с таким же трудом перевезены обратно через Бельгию и на фундаментах разрушенных зданий установлены на позиции против фортов, расположенных к югу от Сети. В то же время для подрыва складов и поджога зданий использовались снаряды, наполненные нефтью, предназначенные для разбрасывания дождя из горящей нефти. Гибель осаждающих при попытке штурма Вельхема была отомщена разрушением городского гидротехнического сооружения, расположенного недалеко от этого форта. Это привело к тому, что население Антверпена было вынуждено питаться из таких колодцев, которые находились в черте города, и сделало невозможным тушение пожаров в случае их возникновения.

До 5 октября, форты Waelhem, Вавр, Сед. Екатерина, и Konighouck был подавлен, и Форт lierre, так притихли. Все эти форты расположены к югу от Сети. Соседние деревни были сожжены дотла. В Льерре, в миле от форта Льерре, немецкий снаряд пробил крышу бельгийского военного госпиталя. Несколько раненых погибли. 7 октября, после яростной концентрированной бомбардировки, форт Брочем превратился в груды руин.

Таким образом, путь был открыт для последней попытки под тяжестью немецких орудий отвоевать переправу через Сеть. Несмотря на большие шансы, бельгийцы оказывали упорное сопротивление. Это сражение было одним из самых кровопролитных в бельгийской кампании. В нем король Альберт был ранен, хотя, к счастью, несерьезно. Это было второе ранение, с которым он столкнулся. На протяжении всей войны он принимал активное участие вместе со своими войсками, подбадривая их в окопах, не боясь ни малейшего риска.

По просьбе бельгийского правительства 3 октября британцы направили в Антверпен под командованием генерала Пэриса Королевской морской артиллерии две бригады морской пехоты и одну бригаду морской пехоты общей численностью 8000 человек с тяжелыми морскими орудиями и скорострельными морскими боеприпасами, установленными на бронепоездах.

Бельгийское командование перешло к генералу де Гизу, военному губернатору Антверпена, одному из самых молодых, но и самых способных генералов бельгийской армии. С обеих сторон вопрос о прохождении Сети оспаривался с отчаянной решимостью. Немецкая атака в это время была направлена не только против бельгийских позиций к северу от Нете, через Линт и Ваерлос, но и с особой энергией против фортов Льерре, Кессель и Брокен. Эти форты все еще держались. Они прикрывали левый фланг обороны. Правый фланг, защищенный затопленной территорией вдоль Рупеля, был неприступен.

Невзирая на потери, немцы работали день и ночь, чтобы всплыть на позиции и достроить части семи понтонных мостов, которые они соорудили на участках реки за пределами действия фортов. Было очевидно, что если бы им удалось обойти бельгийскую оборону слева, уничтожив форт Брокен, и таким образом прорвать внешнюю оборону в этом месте, к северу от Сети, они могли бы, переправившись с боем выше по течению, провести мощную фланговую атаку, которая должна была вынудить все бельгийские и британские силы отступить.

Однако именно слева от Бельгии были размещены британские военно-морские бригады и морская пехота. При поддержке морских орудий форты Льерре, Кессель и Брокен не поддавались всем попыткам взять их под контроль. Очень скоро стало очевидно, что этот план поворота обороны был невыполним. Укрывшись в защищенных от бомб окопах, британцы понесли сравнительно небольшие потери, несмотря на то, что казалось, что это был ужасающий дождь снарядов. С другой стороны, морские орудия, контролировавшие течение реки на протяжении десяти миль, быстро пресекали все попытки переправиться.

В этих обстоятельствах немцы изменили свою тактику. Они решились на лобовую атаку через Даффель. Против бельгийских позиций был сосредоточен яростный обстрел. Под прикрытием этого и несмотря на то, что местность на миле за берегами реки была затоплена, они двинулись массами, чтобы прорвать проход. Одновременно, чтобы предотвратить попадание в эту атаку корабельных орудий, они предприняли ложную попытку прорваться к Льерре.

Их потери были огромны. Неоднократно их разбитые колонны отбрасывались назад. В течение двух дней, с ужасающими жертвами, они сражались за проход. На британские позиции атака не произвела никакого впечатления. Но на рассвете 6 октября, после атаки, предпринятой превосходящими силами, противнику удалось, наконец, закрепиться на северном берегу близ Даффеля и удержать его, несмотря на все усилия бельгийцев выбить их оттуда.

Бельгийская армия была вынуждена отступить, а вместе с ней и британский контингент, но достаточным доказательством характера и силы сопротивления является то, что, несмотря на значительное численное превосходство, бельгийцы, отступив к внутренним укреплениям крепости, не позволили немцам немедленно воспользоваться своим преимуществом. Британские войска отступили, не потеряв ни одного из своих орудий. Действительно, морские орудия и бронепоезда прикрывали отход настолько эффективно, что немцам было невозможно, пока они не перебросили свою тяжелую артиллерию к северу от Сети, оказать давление на отступающие войска.

За грохотом вражеских орудий далеко на юге и приближающимся грохотом крепостной артиллерии в ответ те, кто находился в городе, в эти напряженные дни имели слабое представление о том, как обстоят дела на самом деле. Снимок места происшествия в ночь на вторник, 6 октября, приводит специальный корреспондент Daily Telegraph:—

Ночь была настолько завораживающей в своей изысканной красоте, что я не мог ни заснуть, ни даже оставаться дома.

На другом берегу реки в воде вырисовывались силуэты деревьев, легкая дымка придавала восхитительный эффект меццотинто пейзажу, достойному Венеции. Когда я шел по вымощенным камнем посадочным площадкам, контраст между красотой картины и мрачной перспективой того, во что в любой момент могут превратить смертоносные механизмы на моем пути, был привлекательно ярким.

Однако в течение нескольких часов обстановка изменилась с поразительной внезапностью, которая большинству жителей города показалась почти пугающей. После заявления властей, предупреждающих всех, кто мог, покинуть Антверпен как можно скорее, начался массовый

исход, подобного которому не было со времен “Испанской ярости”. Тот же очевидец продолжает:-

Весь день улицы были забиты охваченными паникой беглецами, спасающимися из города, который, в их испуганном воображении, обречен. Все подъездные пути к понтонному мосту через Шельду, ведущему к Святому Николаю, оказались непроходимыми из-за разнородной массы транспортных средств всех размеров и видов, от автомобиля миллионера до ветхих двуколок, нагруженных Ларами и Пенатами несчастных беглецов.

Примерно в полумиле дальше были пришвартованы друг к другу два парохода Великой Восточной железной дороги, которые курсируют между Антверпеном и Харвичем, или, как сейчас, Тилбери. Ввиду очень большого наплыва пассажиров, оба должны были быть отправлены. Я прошелся по ним. Каждый был до отказа заполнен беженцами, которые могли быть сардинами, настолько тесно они были набиты. На каждом стуле вокруг столов в салуне спало по мужчине или женщине. Другие лежали на полу, на палубе, в креслах или, как могли, искали передышки от усталости, некоторые, понимая, что ночь им предстоит очень короткая — лодки должны были отплыть на рассвете, чтобы иметь как можно больше дневного света для безопасного преодоления опасностей минных полей, - предпочли прогуляться по причалу, обсуждая свою нелегкую судьбу.

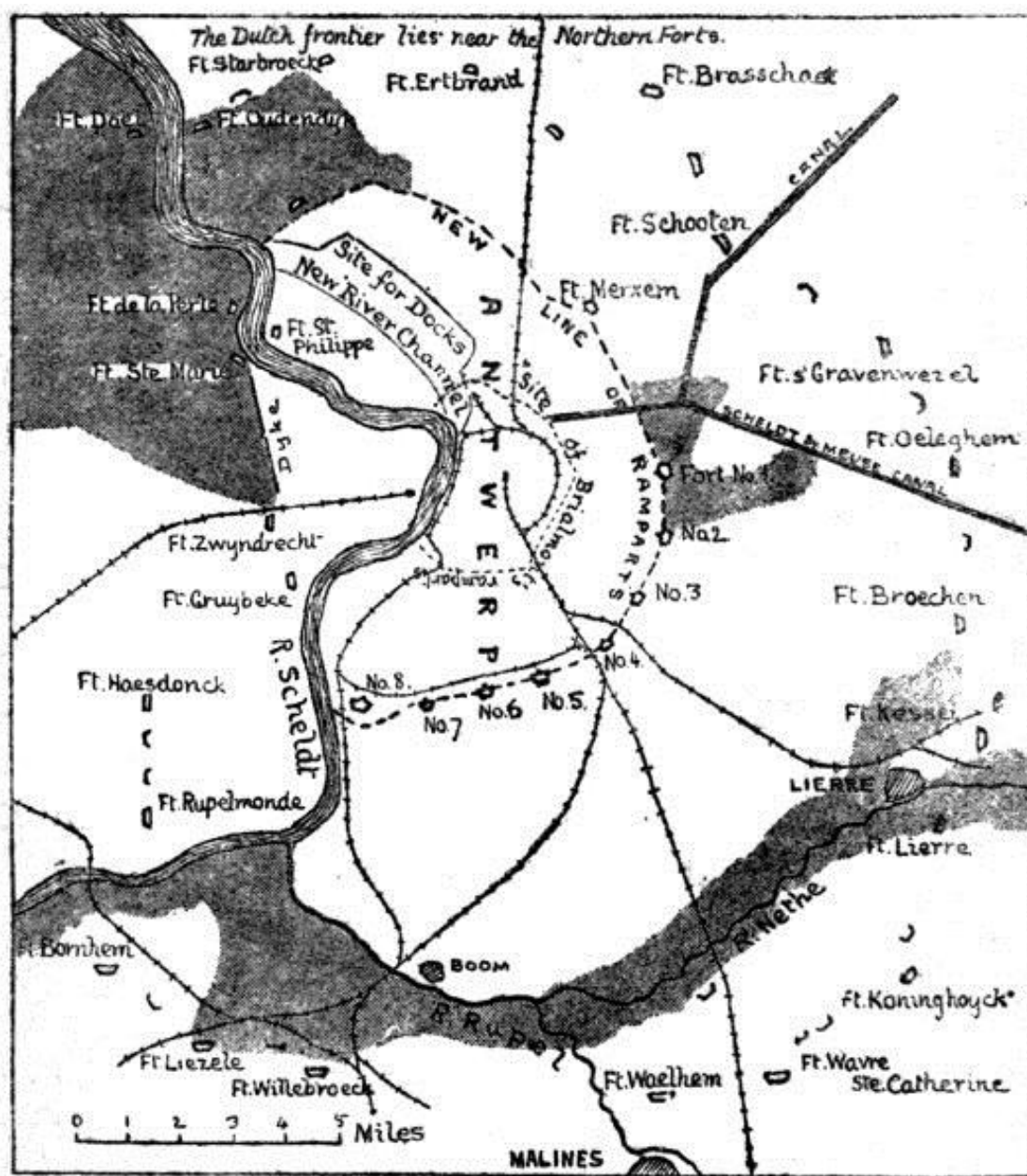
"Сент-Антуан", ведущий отель Антверпена, в течение нескольких недель был временным пристанищем различных министров иностранных дел, но в связи с их сегодняшним отъездом закрыл свои двери. Прошлой ночью королева трогательно прощалась *сперсоналом* британской и российской дипломатических миссий, ее Величество была явно тронута. Мне сообщили, что король вчера отправил немецкому командующему через нейтрального *атташе* план Антверпена с обозначенными на нем достопримечательностями собора и других древних памятников, которые, как он просил, можно было бы уберечь от разрушения.

Тем временем осаждающие предприняли попытку взять штурмом внутренние укрепления. Это было катастрофично. Описывая это, мистер Грэнвилл Фортеस्कью говорит:

Продвигаясь к внутренней линии фортов, немцы буквально завалили дамбы своими убитыми. Наступая сомкнутым строем, они были срезаны пулеметами, как пшеница косой.

Понимая, что взять внутреннюю оборону штурмом практически невозможно и что гарнизон должен быть вынужден сдаться путем разрушения этого места, немцы, которые благодаря этому подвели свои мощные орудия в пределах досягаемости города, открыли со своих новых позиций вдоль северного берега Реки бомбардировку, которая по своей продолжительной ярости редко кому могла сравниться.

Обстрел начался в полночь 7 октября. С этого времени на это место градом сыпались снаряды. Хаос, усиленный бомбами, сброшенными с цеппелинов, быстро, особенно в южном квартале, вызвал разрушительные пожары. При взгляде издали — пожар был виден с границы Голландии — этот великий и красивый центр торговли, промышленности и искусства, одно из достояний Европы, в те ужасные часы выглядел как кратер вулкана во время извержения, в который падает дождь падающих звезд. Вырисовываясь силуэтом на фоне яркого света, его башни сияли в огненном свете. Самый высокий из всех несравненных шпилей его собора указывал, словно предостерегающий перст, в темное небо.

Незадолго до полуночи грохот канонады прекратился. Орудия противника на какое-то время замолчали. На грохот пушек на оборонительных сооружениях не последовало ответного неповиновения. Наконец даже орудия на оборонительных сооружениях замолчали. Мистер Б. Дж. Хадсон из "Сентрал Ньюс", один из последних ушедших английских корреспондентов, говорит:

Перед полуночным часом, как ни странно, царило мрачное затишье, и погруженный в темноту город походил на город мертвых. Шаги запоздалого путника отдавались громким эхом.

Затем внезапно прогремел первый снаряд, который вывел на улицы множество женщин, озабоченных тем, чтобы выяснить, действительно ли начался обстрел. Грохот орудий, взрывы и грохот разрывающихся снарядов очень близко следовали друг за другом. По всей южной части города снаряды попадали в особняки, виллы и коттеджи без разбора. Затем

орудия крепости, полевые батареи и бронепоезда открыли огонь единым громким хором, и грохот стал ужасающим, в то время как отражение в небесах казалось одним огромным, мечущимся пламенем.

С крыши моего отеля открывалось потрясающее зрелище. Выматывающий нервы визг снарядов — крыши города попеременно то тускнели, то освещались каким-то внезапным красным светом, который делал темноту еще чернее, чем раньше, — а затем срывание крыши или стены взрывом создавало картину, которая ни в коей мере не уступала Аду. Данное таким образом населению заверение в том, что немцы выполняют свою угрозу бомбардировки беспомощных людей, отправило граждан по подвалам, как им советовали местные газеты накануне.

Около девяти часов утра немецкий огонь снова усилился, но свист снарядов и грохот падающей каменной кладки не тронули беглых жителей.

Я заметил в одном случае семью из отца, матери и троих маленьких детей, которые совершенно не обратили внимания на разрыв снаряда примерно в шестидесяти ярдах у них в тылу и невозмутимо двигались дальше.

Около десяти часов один из резервуаров для хранения бензина в городе был подбит и загорелся, и один за другим остальные разделили его судьбу.

По всему причалу реки Шельда баржи и небольшие пароходы со всей возможной скоростью принимали человеческий груз, взимая с несчастных по 20 франков с человека за кратковременную поездку на голландскую территорию.

Как только вытекающий из бензиновых баков спирт начал стекать вниз по течению, наконец, вспыхнуло нечто похожее на панику. Находившиеся на борту парохода кричали офицерам, указывая на опасность и крича: “Хватит! Хватит!” Те, кто был на причале, не желая отставать, бросились врассыпную, чтобы занять места в лодках.

Я видел, как одна женщина утонула в одном из таких зарослей, в то время как ее муж — которому повезло гораздо больше — упал на палубу лодки и отделался травмой черепа. Женщины передавали младенцев, маленьких детей, коляски и всевозможные свертки, а затем сами карабкались на палубы, используя любую доступную ненадежную точку опоры. Было чудом, что многие из них не утонули или иным образом не погибли.

В конце концов капитаны речных судов, набрав столько пассажиров, сколько можно было безопасно взять, отчалили, оставив многие тысячи людей на причале.

Снаряды по-прежнему падали по всему городу. Дым от горящей нефти и горящих домов поднимался огромными столбами и, должно быть, представлял собой ужасающее зрелище для людей даже на севере, в голландском городке Розендаль.

Какова позиция за городскими стенами, мы не знаем. Мы слышим, как наши орудия грохочут, бросая вызов врагу непрекращающимся ревом; мы слышим ответ врага почти так же отчетливо ....

Всю ту ночь и следующий день поток беглецов лился рекой — на запад, в сторону Остенде, на север, в сторону Голландии. О сцене во Флашинге мистер Фортескью писал:

Толпы беженцев заполняют этот город. Некоторые прибывают на поезде из Розендаля, другие сбежали из города на лодке. Всевозможные речные суда бороздят мутные воды

Шельды, переполненные до самых бортов своим человеческим грузом. Буксиры буксируют длинные вереницы лихтеров с зерном, заполненных женщинами, детьми и стариками.

Их паника достойна сожаления. С тех пор как над городом просвистел первый снаряд, испуганная толпа рвется вперед, спасаясь от града огня и железа. Представьте, что очередь, которая движется вперед на футбольном матче чемпионата, увеличилась в сто раз в длину и ширину, и вы увидите толпу, движущуюся к железнодорожной станции. Другая толпа пробивалась к набережным. Все это время над головой уныло свистели немецкие снаряды; по большей части они попадали в южную часть города.

От беженцев я слышу те же самые жалкие истории, которые слышал так часто. Мать с двумя девочками, одной четырехлетней, а другой трехлетней, вырвали из рук мужа и втолкнули на отходящий катер. На протяжении всего панического бегства “женщины и дети прежде всего”. Те, кто находится здесь, свидетельствуют о храбрости тех, кто защищает город.

Но если осаждающие вообразили, что они вот-вот получают какое-либо серьезное военное преимущество, им было уготовано разочарование. В течение шести дней они пытались переправиться через Шельду в Термонде, но безуспешно. Цель состояла в том, чтобы окружить Антверпен с обоих берегов Шельды и, таким образом, либо на оставшуюся часть кампании заключить бельгийскую армию в плен, либо уничтожить ее среди руин Антверпена их артиллерийским огнем. Это было бы военным успехом важного характера. Это не только оставило бы Бельгию на время в их власти, но и, несомненно, оказало бы моральное воздействие, которое нельзя игнорировать.

Однако 8 октября захватчики получили переправу через Шельду у Термонде и вынудили противостоящие им бельгийские силы, значительно уступавшие им по численности, отступить к Локерену. Это место находится на линии сообщения между Антверпеном и Остенде. Ввиду этой опасности эвакуация Антверпена стала необходимостью. Опасность была предвидена. Бельгийские власти действительно уже приняли свое решение. Теперь известно, что это было достигнуто 3 октября и что целью небольшого британского подкрепления было обеспечить возможность эвакуации. Эту цель они выполнили. Благодаря своевременному предупреждению населения, почти 150 000 человек уже смогли спастись. Все имеющиеся в порту суда были использованы для транспортных целей. Остальное, включая около 36 захваченных немецких торговых пароходов, которые не могли быть вывезены из-за нейтралитета Голландии, было взорвано и затоплено в доках. Ценные предметы были вывезены, а те склады, которые не могли представлять ценности для врага и, вероятно, могли представлять их ценность, были уничтожены. 7 октября бельгийское правительство переехало в Остенде.

Бельгийская армия последовала за ними. К утру пятницы, 9 октября, эвакуация была завершена. Все орудия на брошенных укреплениях были заряжены. Однако под командованием генерала де Гиза форты, контролировавшие подходы к Шельде, продолжали держаться.

Тем временем немцы продолжали наступление на Локерен. Основная часть бельгийской армии и 2-я британская военно-морская бригада, а также морская пехота отступили к Остенде, пока коммуникации оставались открытыми. Первая дивизия бельгийской армии, которая последней покинула Антверпен и была занята тем, чтобы сделать это место непригодным для осаждающих, отступала, ведя ряд арьергардных боев с немцами к северу от Шельды.

Перед лицом невероятных трудностей 1-я британская военно-морская бригада, оставшаяся теперь без поддержки своих тяжелых орудий, была вынуждена с упорными боями пересечь голландскую границу у Уиста. Дивизия бельгийской армии также была вынуждена пересечь границу с Голландией.

Сразу после полудня 9 октября осаждающие вошли в Антверпен через брешь, которую они пробили возле форта № 3 на юго-восточной стороне внутренней линии укреплений. К тому времени горящий и разрушенный город напоминал могилу. Те, кто остался в живых, прятались в своих подвалах. Все представители власти бежали. Посреди этой сцены крушения и запустения немцы вторглись в страну и установили свое “правительство”. Но бельгийская армия снова ускользнула от них, и с закрытием судоходства по Шельде владение Антверпеном, добытое ценой стольких кровавых жертв, стало владением, не дающим компенсирующих военных преимуществ.

На момент написания этих строк отчет, как уже было сказано, остается неполным. Однако в этом кратком очерке изложено достаточно, чтобы доказать, что борьба и страдания Бельгии представляют собой одно из самых смелых усилий, когда-либо предпринятых во имя свободы народа, и протест против политики грабежа, который никогда не изгладится из памяти цивилизованных народов и не перестанет вызывать их восхищение и уважение.

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

31 июля.— Германия объявляет войну России и направляет Франции 12-часовой ультиматум. Бельгийское правительство отдает приказ о частичной мобилизации.

1 августа.— Германия официально объявляет мобилизацию. Франция отдает приказ о мобилизации.

2 августа.— Немецкие войска вторгаются в Люксембург. Немецкий ультиматум, предъявленный в Брюсселе, дает 12 часов на ответ.

3 августа.— бельгийское правительство отклоняет требование о немецкой оккупации Бельгии и “содействии проходу” немецких войск. Немецкие армии пересекают бельгийскую границу.

4 августа.— Начинаются бои у Визе и Аржанто за переправу через Маас. Началась бомбардировка Льежа.

5 августа.— Специальное заседание парламента Бельгии. Сформировано министерство всех партий. Проголосованы чрезвычайные меры.

Первая попытка немцев штурмовать Льеж потерпела поражение.

6 августа.— Немцы выигрывают переправу через Маас. Вторая попытка штурма Льежа. Король бельгийцев уезжает из Брюсселя на фронт.

7 августа.— Третья попытка штурма Льежа. Генерал фон Эммих просит 24-часового перемирия. В этом отказано.

8 августа.— Бельгийские войска покидают окопы в Льеже; собрано 16 000 удостоверений личности погибших немцев.

9 августа.—Германия предлагает размещение с Бельгией. Предложение отклонено. Железные и шоссейные дороги перекрыты.

10 августа.— Немецкие войска входят в Льеж. Форты все еще держатся. Видные граждане Льежа захвачены в качестве заложников. “Штраф” в размере 2 000 000 фунтов стерлингов наложен на город и провинцию Льеж.

Немецкая кавалерия продвигается к Тонгресу и Рамийе. Атака на Хай. Французские войска прибывают в Бельгию.

11 августа.— Немецкие летучие колонны наступают на Диест и Эгезе. Страна опустошена.

12 августа.—Битвы при Диесте и Хелене. Битва при Эгезе. Немцев отбили, но захватили Хуй.

13 августа.— Отступление немцев из Дьеста. Преследование бельгийцами и французами через Сен-Тронд до Варенна.

14 августа.—Германская экспедиция против Тирлемонта потерпела поражение. Французы оккупируют Динан.

15 августа.— Первая атака на Динан.

16 августа.— Вторая атака и битва при Динанте.

17 августа.— Бельгийское правительство переезжает из Брюсселя в Антверпен. Британский экспедиционный корпус высаживается в Булони.

18 августа.— Начинается общее наступление немцев по территории Бельгии. Форпост ведет бои вокруг Тирлемонта и Жамблу.

19 августа. - Первый день битвы при Лувене. Разрушен последний из фортов Льежа.

20 августа. - Второй день битвы при Лувене. Немцы занимают Малин.

21 августа.— Въезд Германии в Брюссель. Требуется “Штраф” в размере 8 000 000 фунтов стерлингов.

22 августа.— Немцы наступают на Шарлеруа. Атакуют переправы через Самбр.

23 августа.—Битва при Монсе и Шарлеруа. Падение Намюра. Бельгийцы отбивают Малин. Немцы сформировали новое гражданское и военное правительство Бельгии.

24 августа.— Битва при Монсе и Шарлеруа продолжается. Отступление британских и французских войск. Немцы оккупируют Гент.

25 августа.— Разграбление и разрушение Лувена.

26 августа.—Разрушение Термонда и Динана.

27 августа.— Британцы оккупируют Остенде. Немцы выбиты из Гента. Бомбардировка Малин.

28 августа.— Разграбление и разрушение Эрсхота. Бельгийское правительство назначает Комиссию по расследованию зверств.

29 августа.— Усилия гражданских и военных властей Германии в Брюсселе по взысканию “штрафа”. Сопrotивление бургомистра и городского совета.

30 августа– 6 сентября.—Бельгийские операции против немецких позиций.

9 сентября.— Второе предложение Германии о размещении отклонено. Начинается вылазка Бельгии из Антверпена.

10-11 сентября.- Тяжелые бои. Бельгийцы снова отбивают Малинс и Термонде и оккупируют Аlost.

12 сентября.— Немецкие подкрепления отозваны с французской границы.

13 сентября.—Бельгийцы отступают под Антверпеном.

15 сентября.— Первая немецкая атака на Антверпен. Бельгийцы перерезали дамбы. Тяжелые потери немецких орудий. Захватчики разгромлены в успешной вылазке.

25 сентября.— Начало второго наступления на антверпен.

1-4 октября.—Пятидневное сражение у Дайла.

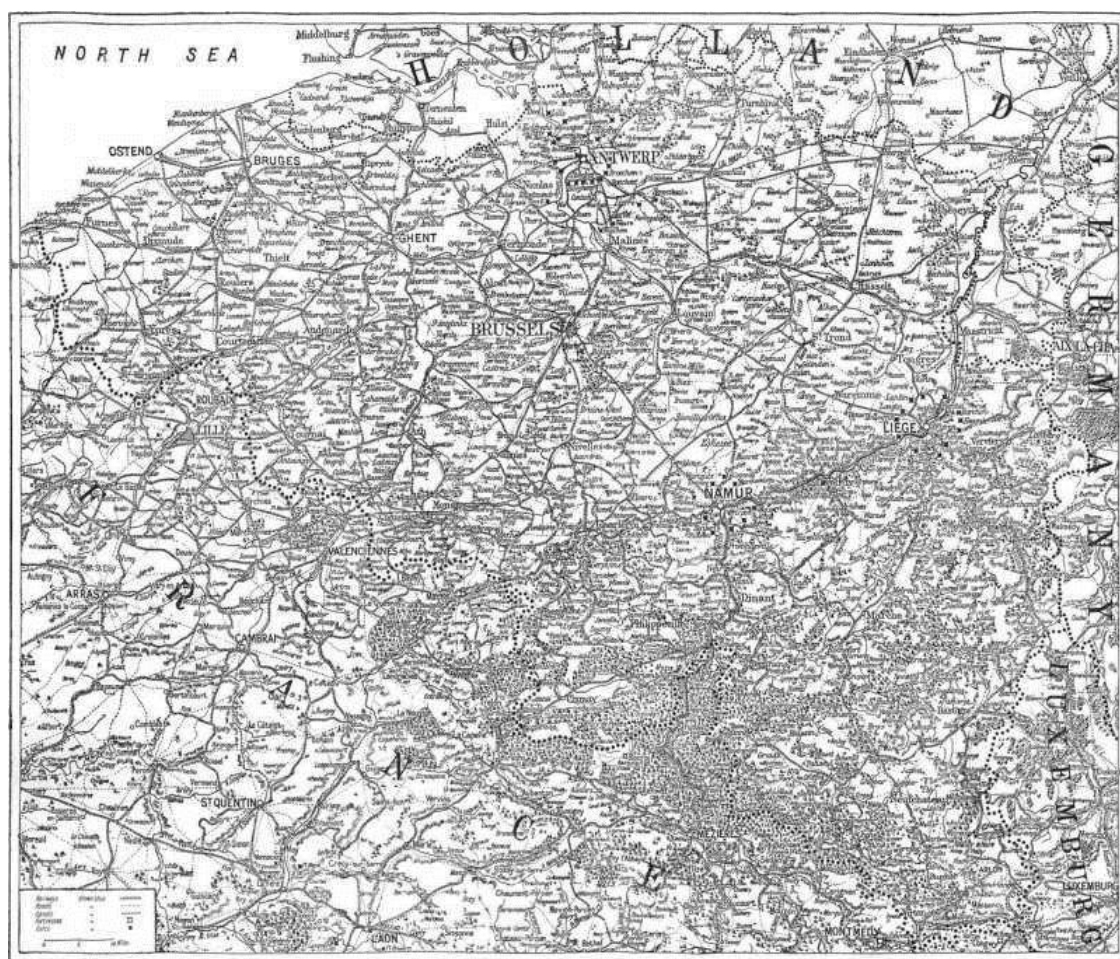
3 октября.— Гарнизон антверпена усилен британской военно-морской бригадой и морскими пехотинцами.

4-6 октября.—Битва на реке Нете. Немцы переходят реку.

7 октября.—Бельгийское правительство переведено в Остенде. Началась бомбардировка города Антверпен.

9 октября.—Бельгийская армия эвакуирует антверпен. Немцы входят в город.

R. CLAY And SONS, LTD., ул. БРАНСУИК, Южная Каролина, И BUNGAY, САФФОЛК.

АВТОРСКОЕ ПРАВО, СПЕЦИАЛЬНО ПОДГОТОВЛЕНО ДЛЯ Daily Telegraph ИЗДАТЕЛЬСТВОМ GEOGRAPHIA LTD 55 FLEET STREET LONDON E. C.

(крупнее)

СНОСКИ

АТекст ответа правительства Бельгии был следующим:—

Своей нотой от 2 августа 1914 года германское правительство уведомляет, что, согласно его достоверным сведениям, французские войска намеревались выступить на Маас через Живе и Динан и что Бельгия, несмотря на ее благие намерения, была бы не в состоянии отразить без посторонней помощи наступление французских войск.

Правительство Германии считает себя обязанным предотвратить это нападение и посягательство на территорию Бельгии. В этих обстоятельствах Германия предлагает правительству короля занять по отношению к ней дружественную позицию и обязуется в момент заключения мира гарантировать целостность королевства и его владений на всей их протяженности.

В>Note добавляется, что если Бельгия создаст трудности на пути продвижения германских войск, Германия будет вынуждена рассматривать ее как врага и предоставить окончательное урегулирование между двумя государствами, одно с другим, решению оружием в руках.

Эта записка вызвала у королевского правительства глубокое и прискорбное удивление.

Намерения, которые оно приписывает Франции, противоречат официальным заявлениям, которые были сделаны нам Первого августа от имени правительства Республики.

Более того, если, вопреки нашим ожиданиям, Франция нарушит нейтралитет Бельгии, Бельгия выполнит все свои международные обязательства, а ее армия окажет захватчику самое энергичное сопротивление.

Договоры 1839 года, подтвержденные договорами 1870 года, закрепляют независимость и нейтралитет Бельгии под гарантии Держав, и особенно под гарантии его Величества короля Пруссии.

Бельгия всегда была верна своим международным обязательствам; она выполняла свои обязанности в духе лояльной беспристрастности; она не пренебрегала никакими усилиями по поддержанию своего нейтралитета и обеспечению его уважения.

Покушение на ее независимость, которым угрожает правительство Германии, будет представлять собой вопиющее нарушение прав наций. Никакие стратегические соображения не оправдывают нарушения прав.

Если бы оно приняло выдвинутые перед ним предложения, бельгийское правительство пожертвовало бы честью нации и в то же время вернулось бы к своим обязанностям по отношению к Европе.

Осознавая роль, которую Бельгия играла в мировой цивилизации более восьмидесяти лет, она отказывается верить, что независимость Бельгии может быть сохранена только ценой нарушения ее нейтралитета.

Если эта надежда необоснованна, бельгийское правительство твердо намерено отразить всеми доступными ему средствами любое покушение на его право.

Англия соглашается сотрудничать в качестве гаранта в защите нашей территории. Английский флот обеспечит свободный проход по Шельде для восстановления Антверпена.

ВИз Берлина это было официально опровергнуто; но бельгийцы заявляют, что священники, по-видимому, специально подвергались нападениям. Несомненно, что несколько человек погибли.

СВ рассказе, опубликованном в Берлине, приводится отчет, присланный в письме лейтенанта фон дер Линде из Потсдамской гвардии, о том, как он осуществил захват форта Малонн в Намюре. Лейтенант утверждает, что ему было приказано наступать на форт с 500 людьми маршрутом, где предполагались мины. Он продвинулся с четырьмя солдатами по мосту через ров форта и призвал командира немедленно сдаться, пригрозив ему, что в противном случае артиллерия немедленно начнет обстреливать форт. Захваченный врасплох командир позволил лейтенанту и его четырем людям войти и отдал свой меч. Кроме командира, в плен были взяты

пять офицеров и двадцать солдат. Оставшаяся часть гарнизона, состоящая из 400 человек, сбежала. Были захвачены четыре тяжелых орудия и значительное количество военного имущества. За этот подвиг лейтенант фон дер Линде получил от кайзера орден "За заслуги", и записано, что он был самым молодым офицером немецкой службы, удостоенным этого отличия. Ему было всего двадцать два. В этом рассказе нет никаких упоминаний о тумане и дожде, которые сами по себе могли бы сделать такое приключение возможным, тем более успешным. История иллюстрирует трудность защиты в описанных условиях крепости, расположенной среди холмов, а также возможности, предлагаемые для побега.

DОзнакомьтесь, среди прочих доказательств, с деталями, собранными и приведенными в пятом отчете бельгийской официальной комиссии по расследованию.

EПредположительно майор фон Мантейфель. В ходе официального расследования, проведенного впоследствии в Брюсселе, сообщалось, что офицер с таким именем был уволен за это дело; но сомнительно, был ли он чем-то большим, чем официальным козлом отпущения.

FЭтот рассказ был передан специальному корреспонденту агентства Рейтер в Роттердаме.

G.Сэр Клод Филлипс пишет в Daily Telegraph о разрушенных художественных сокровищах Лувена: "Главными сокровищами церкви Сен-Пьер-де-Лувен были две знаменитые картины дерика (или Тьерри) Бутса, который так же тесно связан с ныне разрушенным университетским городом Бельгии, как Ван Эйки - с Гентом и Брюгге, и роджер ван дер Вейден - с Турне и Брюсселем. Более ранней из этих картин является (или, скорее, была) замечательный триптих с изображением мученичества святого Эразма на центральной панели и фигур святого Иеронима и святого Бернарда по бокам. Это было видно на ретроспективной выставке в Брюгге в 1904 году. Но, возможно, шедевром Дирика Бутса и, безусловно, одним из лучших образцов фламандского искусства пятнадцатого века был полиптих, написанный им для алтаря Святого Причастия в коллегиальной церкви Сен-Пьер.

"Центральное панно этого произведения, на котором была изображена Тайная вечеря, еще несколько дней назад было главным украшением этой церкви и всего древнего города. One of the most accomplished writers on modern Netherlandish art, M. Fiérens-Gevaert, has written thus of this 'Last Supper,' by Bouts: *'La Cène est une des œuvres les plus profondes, les mieux peintes du XVme siècle, et si l'on dressait une liste des cinq ou six chefs-d'œuvre de nos primitifs, il faudrait l'y comprendre.'* И в совершении этого акта отвратительного, бессмысленного насилия, этого преступления, для которого потомки откажутся найти слова прощения, прусский командующий также был виновен в акте невероятного невежества, безграничной глупости. Ибо, как ни странно, великолепные крылья, которые когда-то завершали этот знаменитый алтарный образ и которые, если бы их можно было реконструировать, сделали бы полиптих Бутса одним из самых важных произведений фламандского искусства пятнадцатого века из существующих — эти крылья находятся в Германии. В *Старой пинакотеке* Мюнхена сохранились "Собирание Манны" и "Встреча Авраама и Мелхиседека".

В *Музее кайзера-Фридриха* в Берлине можно найти 'Пророка Илию в пустыне' и 'Праздник Пасхи'. Очевидно, было бы гораздо лучше украсть эту 'Тайную вечерю', эту центральную жемчужину живописного убранства обреченного города, и доверить ее либо Мюнхену, либо Берлину, чем таким образом стереть ее навсегда. Было бы жестоко, незаконно разорять героическую Бельгию; это позорно, и, прежде всего, глупо вырывать сердце шедевра, грабить

мир и, наказывая Бельгию, наказывать Германию, наказывать Европу. Наполеон, безжалостный расхититель музеев и церквей, по сравнению с ним был мягким и гуманным. Если он крал, будь то по насильственно навязанному договору или с помощью чистой грубой силы, признанные шедевры живописи и скульптуры, принадлежащие государствам, которые он завоевал, он крал с определенным благоговением; подобно тому, как верующий крадет самые священные сокровища из храма или самые драгоценные реликвии Страстей Господних и святых из церкви или гробницы. Каким бы грабителем он ни был, он с благоговейным восторгом поклонялся шедеврам, которые вырывал у народов; и его торжествующие соотечественники в течение короткого периода его господства поклонялись вместе с ним.

“Не меньше нас самих должны страдать студенты, директора галерей, искусствоведы Германии, вынужденные беспомощно наблюдать за этим невероятным актом святотатства. Действительно, именно они внесли наибольший вклад в то, чтобы представить миру в правильном ракурсе, оценить по их истинной ценности величайшие образцы нидерландского искусства в период его раннего расцвета. Именно в их галереях собраны наиболее полные коллекции этих ранних нидерландских мастеров. Мы призываем их бросить вызов в этом, если только в этом, “кулаку в кольчуге” — выйти вперед и выразить свой торжественный протест против величайшего надругательства над цивилизацией, над человечеством, свидетелем которого был призван стать современный мир”.

Н Утверждалось, что несколько выдающихся немецких врачей, в том числе доктор Молль, высказали это предположение. С другой стороны, доктор Кауфман из Экс-ла-Шапель в письме в *Kölnische Volkszeitung* говорит, что рассказы о немецких солдатах, изувеченных бельгийцами, — рассказы, распространение которых официально одобрялось, — распространились среди солдат подобно лесному пожару, и единственный случай, когда человек был изувечен снарядом, был раздут до уровня возмутительного, и это был только один из сотни подобных случаев. Солдаты с помощью самовнушения заставляли верить в свои собственные дикие фантазии и, распространяя свои истории, вызывали самое опасное состояние гнева и раздражения в немецкой армии. В Хае немецкие унтер-офицер и рядовой были ранены выстрелами. На утверждение о том, что выстрелы были произведены местными жителями, немецкий командир, майор фон Башуйч, приказал сжечь несколько домов. Бургомистр, однако, убедил его провести расследование. Это доказывало, что выстрелы были произведены немецкими солдатами в состоянии пьяной паники.

И Незадолго до этого зверства в Льеже было выпущено воззвание, предписывающее гражданам приподнимать шляпы перед немецкими офицерами на улице и отдавать честь рядовым. Было уведомяно, что в случае невыполнения этого приказа немецким солдатам было разрешено оказывать “должное уважение”.

Примечания переписчика

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки.

Неоднозначные дефисы в концах строк были сохранены; случаи несогласованной расстановки переносов не были изменены.